

ШТРАФНИК ИЗ ТАНКОВОЙ РОТЫ!

Владимир ПЕРШАНИН

Танкист-штрафник

Владимир Першанин

Штрафник из танковой роты

«Яуза»

Першанин В. Н.

Штрафник из танковой роты / В. Н. Першанин — «Яуза»,
— (Танкист-штрафник)

Он на фронте с 1941 года. Он один выжил из целого танкового батальона. Он потерял сотни друзей, сам шесть раз был подбит, ранен, горел в танке – но всегда возвращался в строй. Страшной осенью 42-го, когда решалась судьба Сталинграда, он попал в жернова беспощадного приказа № 227 («Ни шагу назад!»). В танковых войсках не было штрафных рот, но были свои штрафники – те, кому давали самые погибельные, самые невыполнимые, смертельно опасные задания. И теперь он – один из таких смертников. Он отправляется в безнадежный танковый рейд по вражеским тылам – чтобы смыть свою несуществующую вину кровью...

© Першанин В. Н.

© Яуза

Содержание

ОТ АВТОРА	5
ГЛАВА 1	6
ГЛАВА 2	11
ГЛАВА 3	24
ГЛАВА 4	33
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Першанин

Штрафник из танковой роты

ОТ АВТОРА

Их было у меня шесть. Два БТ и четыре «тридцатьчетверки». Как родные стали эти танки. От них и следа не осталось, а я вот, живу...
Волков А. Д.

Старый друг моего отца, Алексей Дмитриевич Волков, прошел Отечественную войну танкистом с осени сорок первого года и до декабря сорок четвертого. Шесть танков сменил он за это время. Из одних выпрыгивал, когда они уже горели, из других его, раненого, вытаскивали ребята из экипажа. Танкисты редко воюют так долго. Короткая у них жизнь на войне. Но и бывает, что проходят через годы войны. Ранения, контузии, долгие месяцы в госпиталях, учеба, запасные полки. Снова передовая, санбат или госпиталь, и так по кругу. У большинства этот круг где-то обрывался бугорком с деревянной пирамидкой и звездой. Фамилия, инициалы, даты рождения и смерти. Кому как повезет.

Дожди быстро смывают строчки, написанные химическим карандашом, реже выжженные раскаленным прутом. Проходят годы, и, если никто не позаботится, разваливается пирамида, сколоченная из снарядных ящиков, оседает бугорок, исчезая в траве. Говорят, на могилах трава растет особенно густо. Как и не было танкиста.

Алексей Дмитриевич прошел путь от города Трубчевска Брянской области до венгерского города Сарваш в 350 километрах от Будапешта. Мы начали работать над книгой давно и закончили лишь в прошлом году. С разрешения Алексея Дмитриевича я изложил его воспоминания от первого лица.

ГЛАВА 1

Я родился 26 апреля 1922 года в поселке Красноармейск, рядом с Царицыном, тогда еще уездным городом. В 1924 году Царицын переименовали в Сталинград. Кто ни разу не был в нашем городе, вкратце опишу его. Он протянулся узкой лентой вдоль правого берега Волги, километров на семьдесят. Наш поселок был южной окраиной города. Даже когда его официально включили в состав Сталинграда, от центра нас отделяли мало застроенные участки у подножия Ергенинских холмов, поселки Бекетовка, Ельшанка, сплошь застроенные деревянными домами и мало напоминающие город.

Мой отец работал техником на железной дороге (в будущем это спасет часть нашей семьи), мама – учительницей в начальной школе. Вначале жили в бараке, потом отец вместе с дедом взялись строить дом. Строили его очень долго, потому что любые стройматериалы в наших безлесных краях были дефицитом и продавались строго по разрешениям. Помню, как радовались отец и дед, когда на грузовике привезли кладку старых, потрескавшихся от времени железнодорожных шпал, списанных из-за негодности.

Мы все разгружали тяжеленные маслянистые шпалы, помогали соседи, а потом мать сварила щи с бараниной, нажарила рыбы, и мы дружно отметили удачу. А я, разглядывая лопнувшие, измятые брусья, покрытые потеками древней смолы, рассуждал, что дом получится безобразным. Но у отца и у деда хватило сноровки и мастерства. Дом, хоть и небольшой, получился не хуже, чем у других.

В 1929 году я пошел в школу. Детей в семье было четверо, но младшая сестренка умерла младенцем. Осталось трое. Старшая сестра Таня, я и младший брат Саша. Он родился в феврале 1927 года.

До переезда в дом мы лет десять жили в бараке. Всей семьей занимали одну большую комнату, перегороженную занавеской. Родители спали на металлической кровати, мы – на деревянных топчанах. Дед с бабушкой – в углу маленькой кухни. Топили углем, с которым тоже были проблемы. Выручало то, что отец и дед работали на железной дороге. Каждую осень нам выписывали какое-то количество угля и машину деревянных обрезков на растопку.

Как мы жили? Как ни расхваливай те времена, а семь человек в одной комнате – многовато. Для личной жизни ни старым, ни малым места не хватало. Деликатесами нас жизнь не баловала, но и не голодали. Выручал огород, который ежегодно давал хороший урожай. Огромные помидоры, баклажаны (у нас их называют «синенькие»), капуста, перец и так далее.

Раннюю картошку сажали сами, а позднюю, на зиму, привозили из Тамбовской или Ульяновской области. Для картошки климат у нас был слишком жаркий. Мясом особенно не баловали. Чаще покупали обрезки, рубец, еще какие-то субпродукты. Из домашней живности держали штук двенадцать кур. Пытались раза два выращивать поросят, потом это занятие бросили. Не было кормов, высокие налоги, да еще крысы развелись.

Имея хорошего знакомого в одном из районов, отец договаривался с приятелем-машинистом, и в начале декабря покупали свинью, обычно на три семьи. Это была наша главная мясная еда на всю зиму. Солили сало, делали рулет (то же самое сало, только отваренное в соленой воде и нашпигованное чесноком), варили холодец. Полтора-два пуда свинины на большую семью хватало только щи да картошку заправить. Соленое сало считалось лакомством. По кусочку мать давала отцу и деду вместе с хлебом и картошкой на смену. Ну, а нам, мелкоте да женщинам, доставалось совсем понемногу.

Дед был заядлым рыбаком, имел деревянную весельную лодку. Работа не давала ему возможности ездить часто, но рыба с весны до осени у нас бывала. На зиму дед заготавливал бочонок соленой селедки. Сельдь – рыба своеобразная. Жирная, вкусная, но солить и хранить

ее – целая наука. Обычно к зиме она сильно ржавела и даже хорошо отмоченная становилась невкусной.

Я тоже, как большинство мальчишек, любил рыбалку. Но настоящий клев на Волге – вечером, ночью или рано утром. А мама лет до четырнадцати меня на ночь отпускать не решалась. Родом из лесной местности, она боялась воды. Волга казалась ей едва ли не морем, и она опасалась, что я утону. Мальчишки оставались на ночь, а я вечером, провожаемый насмешками, возвращался домой.

С возрастом этот вопрос уладился. Иногда меня брал с собой дед, но я предпочитал рыбалить в компании сверстников. Снасти у нас были самые примитивные. Донки из тонкого шнура (их называли «закидушки») с тремя-пятью крючками и грузом на конце. Каждый пацан повзрослее имел «завозню», длиной метров семьдесят, на пятнадцать-двадцать крючков. На завозни попадалась более крупная рыба, а груз мы завозили вплавь или на резиновой камере. Не скажу, что я был слишком удачливым рыбаком, но лет с тринадцати почти никогда не возвращался без добычи.

Ловили на песчаных косах. Попадались подлещики, судаки, язи, небольшие сомята. Сомы, покрупнее, обрывали наши снасти или ломали крючки. Так или иначе, но летом рыбу мы почти не покупали, особенно когда мама стала отпускать на ночь. Изредка попадались осетры, тогда я вообще ходил победителем.

Но к этому возрасту меня активно подключили к строительству дома, и на рыбалку я убегал вечером, а с утра помогал деду. Отец работал на строительстве дома только в выходные, так как возвращался с работы поздно. Возведение и отделка дома мне порядком надоели, но осенью тридцать восьмого года мы наконец переселились в свой дом. Работы меньше не стало, но у нас с братишкой появилась отдельная комната.

В школе я учился неплохо. Особенно любил историю, географию, литературу. Любил книги о путешествиях, приключениях, исторические. К восьмому-девятому классу прочитал почти всего Чехова, Станюковича, Майн Рида, Джека Лондона. Читал все подряд. Отец, подвыпив, не любил видеть меня за книгой, рыбалку тоже не одобрял. Характер у него был тяжелый. Крепко выпив, он мог устроить скандал, швырял тарелки. В это время к нему старались не подходить. Работа заставляла отца прекращать пьянку, и мы снова жили в мире.

Вспоминая газетные статьи времен перестройки и девяностых годов, я невольно ставил себя на место молодых читателей. Судя по этим статьям, у них, наверное, должно было отразиться самое мрачное впечатление о конце тридцатых годов. Сплошные репрессии, страх, разговоры с оглядкой, безудержное восхваление И.В. Сталина. Скажу прямо, о репрессиях я не очень-то слышал. Язык нам распускать не давали – это точно. Анекдотов про Сталина не было. А насчет восхвалений, то и Хрущева, и Брежнева, и всех последующих руководителей перевозносили куда больше, чем они этого стоили.

Люди, переехавшие в город, подвыпив, вспоминали коллективизацию, как составляли списки кулаков, середняков, бедняков. Силком загоняли в колхозы, где толком ничего не платили. Один из соседей говорил так:

– Я деньги в глаза не видел. Даже как они выглядят. А кормились с подсобного хозяйства да с огородов.

В нашем поселке, где жили рабочие судовой верфи, лесозавода, кирпичного завода, железнодорожники, «черные воронки» никого по ночам не забирали. Мои родители привили мне любовь к Сталину. Не скажу, что на него молились, но относились с уважением и верили в его мудрость.

Хотя вечный дефицит тканей, одежды, ниток (всего не перечислишь!) заставлял женщин, особенно бабушку, бурчать на власть. Дед в кругу близких друзей, выпив, тоже ругался, что крепостян силой стогнали в колхозы. Потом спрашивал меня, не слишком ли громко он выступал.

Деда я любил. Он был добродушным и бесхитростным человеком. Но иногда я его поддразнивал:

– Как же не громко? Даже соседи слышали. Доиграешься ты, дед.

– Да ладно тебе. Чего я особенного говорил? Так, покалякали за жизнь.

Какие события обсуждали в те годы? Конечно, войну против фашиста – Франко в Испании. Знаменитая фраза Долорес Ибарурри «Лучше жить стоя, чем умереть на коленях» повторялась нами и стала для многих девизом. Популярными были песни «Матрос Железняк» и «Три танкиста», которые распевали и на концертах, и на улицах. Знаменитый летчик Михаил Водопьянов приземлился на Северном полюсе. Много писали о дрейфе научной экспедиции Папанина. Стать полярниками мечтали едва не половина мальчишек и девчонок. Запомнились мне вышедшие тогда новые книги «Вратарь республики» Льва Кассиля и «Старик Хоттабыч» Лагина. Я их перечитал раза по три.

В 1939 году отца едва не забрали на Финскую войну. Мама приготовила ему вещи, продукты. Но война закончилась как-то неожиданно, судя по газетам, победоносно. Правду о той войне я узнал уже на фронте, встречаясь с участниками «зимней войны». Ну, и упомяну «освобождение» Западной Украины и Белоруссии, Прибалтики, где, как убеждало радио, нас тепло встречали обездоленные крестьяне.

А теперь вернусь к нашей повседневной жизни. Своего деда я любил. Он единственный в семье давал мне деньги на карманные расходы, помогал улизнуть на рыбалку. Кем я хотел стать? Перечислю по годам: вначале путешественником, потом моряком, геологом, летчиком, полярником... и так далее.

Но судьба сложилась по-другому. Сестра Таня пошла в железнодорожное ФЗУ, а родители уговорили меня продолжать учебу в школе. В 1939 году закончил десять классов. Меня вызвали в военкомат и предложили пойти в военное училище. Но мама мечтала, что я буду учиться в медицинском институте. Профессия врача казалась ей самой почетной (слово «престиж» мы тогда не знали) и уважаемой. Я обещал военкоматовским работникам подумать и неожиданно легко сдал экзамены в педагогический институт на историко-филологический факультет. Хотел на географический (дальние страны, геодезия, путешествия, работа геологом!), но меня дружно отговорила вся семья. Учитель географии – смешно! А история, литература – это путь к интересной работе. Ведь я люблю читать, так?

– Так, – кивал я.

– Историю хорошо знаешь. Петр Первый, Пугачев, декабристы, Ленин, революция. Тебе там будет интересно.

И даже дед вполне логично разъяснил мне, что история – вещь очень серьезная. Прямой путь в начальники.

Факультет состоял процентов на восемьдесят из девушек. У меня глаза разбегались. И не просто девчонки из рабочего поселка, почти деревни, а ухоженные барышни, нарядные, с модными прическами. Впрочем, на нас, своих сокурсников, они внимания почти не обращали. На танцевальные вечера приходили студенты из технического института, будущие инженеры, начальники цехов и предприятий. Куда мне равняться с ними, в своем костюме, перешитом из отцовского железнодорожного кителя. Я уже не говорю про курсантов военного училища или молодых летчиков-лейтенантов. Вот кому я завидовал и поклялся себе, что тоже стану летчиком. Правда, как это осуществить в реальности, я не представлял. Бросать институт? Но учиться мне было интересно.

Впрочем, если закончить тему о моих отношениях с девушками, добавлю еще несколько слов. Как и все в этом возрасте, я был влюблен в Аллу Бердникову, стройную броскую девушку из нашей группы. Естественно, любовь была тайной, я старался не показывать ее, дожидаясь какого-то случая. Какого, я и сам не представлял. Алла относилась ко мне равнодушно, кав-

леров у нее хватало, несмотря на дефицит парней на факультете. Чем я мог похвалиться? Рост у меня был 168 сантиметров, лицо обычное, по весне – конопатое. Правда, физически я был крепкий. Еще в школе занимался борьбой, футболом и продолжал играть в футбол за сборную факультета.

Еще мне хочется рассказать немного об общей атмосфере в институте. Она была доброжелательная. Запомнились диспуты о литературе, поэзии (историю трогали меньше). Как горячились, кричали, а за метко сказанные слова получали громкие аплодисменты всегда полного зала. Но я не хотел бы и упрощать взаимоотношения. Институт – это не наш заводской поселок. Здесь чувствовалось некое разделение. Те, кто жил в центре, нередко имели высокопоставленных родителей. Нет, этих студентов (или студенток) не привозили на машинах, они не хвалились золотыми украшениями. На лекциях и занятиях мы были вроде наравне. Но в свободное время все же существовала какая-то незримая черта. Те, кто «повыше», общались больше в своих компаниях, ну, и одевались, конечно, лучше. В этом не было какого-то противостояния, но некоторые вещи я воспринимал со скрытой обидой. Например, был такой случай, когда мы с одноклассником Адиком Закутным собирались куда-то ехать. Когда подошли к его дому, красивому, хорошо отделанному, он сказал мне:

– Леша, ты подожди меня в беседке минут десять. Я быстренько перекушу, переоденусь и сразу прибегу.

Четырех– или пятиэтажные дома стояли в ряд на набережной Волги. Чувствовалось, что в них живут люди не простые. Хорошая детская площадка, асфальтированные дорожки. Признаться, мне очень хотелось глянуть, какие здесь квартиры. Но Адик меня не догадался или не нашел нужным пригласить. Не спросил, хочу ли я есть. А есть я хотел почти всегда. Не голодал, но много двигался, и аппетит был хороший. Я дождался Адика (а ведь хотел уйти), и мы поехали, куда собирались. После этого я с месяц избегал приятеля. Он, видимо, догадался, что-то говорил о ремонте в квартире.

– Ремонт так ремонт, – пожал я плечами. – Мне-то какое дело!

Из девочек нашей группы на меня заглядывалась худенькая и невзрачная, как казалось мне, Лена Батурина. Старалась сесть поближе на лекциях, угощала домашними пирожками. Изредка я провожал ее домой, но дальше этого дело не шло. Правда, на втором курсе у меня чуть не случилось настоящее любовное приключение.

Поселок Красноармейск тогда не входил в черту Сталинграда, и мне полагалось место в общежитии. Пригородный поезд от нас шел в центр два с лишним часа, и я приезжал домой только с субботы на воскресенье. Запасался картошкой, крупой. Но ездить домой каждую неделю не получалось: то соревнование, то воскресник. Когда продукты из дома заканчивались, а денег оставалось совсем немного, мы с дружкой, Костей Серовым, покупали в киоске хлебозавода на ужин по паре теплых булочек. Нести их в общежитие не хватало терпения. Мы тут же проглатывали по одной булочке, затем шли к тележке с газированной водой. Выпивали по стакану газировки с малиновым сиропом и доедали оставшиеся булочки.

Кругленькая смешливая продавщица любила с нами поболтать, отдавая мне явное предпочтение. И сиропа наливала больше, так что мне было неудобно перед Костей. Я уже не помню имени продавщицы, но жила она в частном доме на Дар-Горе. Я проводил ее после работы раз и другой. Мы целовались с ней на лавочке, и она тяжело дышала, обмякая под моими руками. Была весна сорок первого года. Мне исполнилось восемнадцать. Никакого любовного опыта я не имел, а то бы понял, что моя подружка готова к более близким отношениям. Я чего-то испугался и в очередной раз не пришел на свидание.

До войны оставалось совсем немного. После первого курса, летом сорокового года, многих студентов призвали в армию, но наш факультет не тронули. Может, потому, что парней у нас было раз-два и обчелся. Пообещали, что мы будем проходить усиленную военную подготовку. И действительно, весь второй курс мы много занимались военным делом. Дотошно, в

теории и на практике, изучали химическую защиту. Возились с противогазами, зубрили свойства ядовитых веществ. Далась же кому-то эта «химия»! На фронте она нам не пригодилась. Стреляли в тире из малокалиберки и сдали нормы ГТО. Очень не любили строевую подготовку, но военрук гонял нас упорно и кое-чему научил.

Один из преподавателей читал нам лекции по военной тематике. О наших танках и самолетах, о немецкой технике. Кто как, а я слушал с интересом, задавал вопросы. На этих лекциях я впервые услышал названия танков: Т-26, БТ-5, БТ-7. Никогда бы не подумал, что мне придется пройти войну танкистом. Факультет ведь филологический, уклон был больше на политическую подготовку. Нам прямо говорили, что в случае чего мы станем политруками (почти комиссарами!), комсоргами, «понесем слово партии в красноармейские массы».

Теперь про своих однокурсников. Крепче всего мы подружились с Костей Серовым и Адиком Закутным. Закутный переживал из-за своего имени. Дело в том, что его полное имя звучало как Адольф. Адольф Сергеевич Закутный. Назвали его так в честь немецких революционеров двадцатых годов. Да и вообще, имя Адик было тогда довольно распространенным. Официальное отношение к Гитлеру в конце тридцатых годов было нормальное, но слово «фашизм» не нравилось никому. Ходили слухи, что, несмотря на пакт о ненападении, война с фашизмом неизбежна.

Преподаватели называли нас чаще по фамилиям, но нередко и по именам. Адька терпел, но, когда слышал, что его называли Адольф, краснел и едва не подскакивал.

Словно предчувствуя войну, несмотря на заключенный мир с немцами и совместные военные парады в Бресте, Адик добился через отца, который занимал какую-то должность, чтобы в паспортном столе его имя поменяли на Павел.

– Хочу носить имя Павла Корчагина и быть на него похожим, – заявил он на комсомольском собрании.

Сказано было с излишним пафосом. Мы тоже хотели быть похожими на Павку Корчагина. Ну и что такого? Обязательно повторять это?

Из ребят хорошо запомнил я Петю Маленького и Петю Большого. Фамилии, к сожалению, забылись. Оба были хорошие простые ребята. Петя Большой считался лучшим спортсменом на курсе. Занимался лыжами, многоборьем, футболом и выступал за институт сразу по нескольким видам спорта. Не хочу перечислять много имен и фамилий. Назову, пожалуй, Игоря Волошина. Он был высокий, спортивно сложенный, хорошо одевался. Был из благополучной городской семьи. Ко мне он почему-то относился с открытым пренебрежением. А может, я ошибаюсь и наговариваю на него? Наверное, относился он просто безразлично, и меня это задевало. У него была своя компания, куда была, кстати, вхожа Алла Бердникова. Они собирались по субботам в чьей-то просторной квартире, с вином, музыкой, хорошей едой, танцевали. Многие завидовали и мечтали попасть на такую вечеринку.

А с другой стороны, ребята из деревни приезжали на учебу так одетые, что наша «элита» посмеивалась, показывая на Петю Маленького, приехавшего в самых настоящих шароварах. Петя быстро сообразил, в чем дело, и на последние деньги купил себе брюки. Меня мама снарядила, в общем, неплохо, но из-за дефицита обуви я приехал в массивных отцовских башмаках, которые он получал на работе. Над толстенными подошвами тоже подсмеивались. Тогда я надел парусиновые спортивные туфли (мы чистили их мелом), и уже ничем не выделялся из общей массы.

Но все это были пустяки по сравнению с июньским воскресеньем сорок первого года. Началась Великая Отечественная война.

ГЛАВА 2

У нас закончились экзамены, и мы собрались съездить компанией за Волгу. Пока собирались, покупали еду, пиво, по радио объявили, что в 12 часов дня будет передано важное правительственное сообщение. Решили пропустить один парходик, открыли бутылки с пивом, сидели, болтали о всякой всячине, а ровно в двенадцать прозвучали слова Молотова: «Фашистская Германия без объявления войны напала на Советский Союз...»

Сказать, что мы были ошарашены этим известием, не могу. Разговоры о войне с Германией шли с весны. Несмотря на заявления, статьи в газетах, мы были уверены, что войны не избежать. Поразила лишь внезапность. Самый грамотный из нас Паша Закутный (бывший Адя) раздраженно переломил прутик.

– Какая внезапность? Мы что, на Луне живем? От Москвы до границы всего тысяча километров. Не знали, что немцы всю весну войска подтягивали?

– Не так все просто, – заметил кто-то из нас.

– А беженцы из западных областей – тоже не просто? Или никто про них не слышал и про немецкую армию у границы не знал?

Мы говорили о чем-то еще, соглашались, что Красная Армия расколотит немецкую свору за считанные дни. Потом дружно отправились в институт, где состоялся митинг. Выступали и студенты, и преподаватели. Звучала полная уверенность в скорой победе. Может, кто-то из старших думал иначе, но предпочитали молчать. Потом мы сходили в военкомат, где от нас, студентов, не отмахнулись, а назначили день, когда явиться.

Быстро пустели магазины. Люди, наученные прошлыми войнами, расхватывали сахар, соль, мыло... все подряд. Через три-четыре дня просочились слухи, что немцы наступают, а наша армия ведет ожесточенные оборонительные бои. Когда объявили, что Красная Армия 3 июля оставила Минск, я уже числился курсантом Саратовского танкового училища.

Вообще-то я хотел попасть в летное, но мать чуть не на коленях умоляла меня учиться где угодно, но только не в летном училище. Когда я говорю «на коленях», я не преувеличиваю. Молодой, еще зеленый петушок, я плел в семье о нашей мощной авиации, красивой форме, орденах, а с матерью сделалось плохо. Ее отпаивали валерьянкой, а дед сказал так:

– Брось, Лешка, херню пороть! Летчик-самолетчик! Видел я, как аэропланы на землю падают. Одни головешки остаются. Иди в политработники, по крайней мере голодать не будешь и живым останешься.

Дед не страдал излишним патриотизмом. Война – значит придется воевать. Но и на рожон лезть нечего! А ведь нам действительно предлагали пойти в военно-политическое училище. Далеко не всем. У кого в порядке с происхождением, чьи родители или деды за белых не воевали, судимостей не имели. Я подходил по всем статьям. Почему отказался? Сам не могу объяснить. Наверное, крепко сидело во мне то, что называется патриотизмом. Хорошо пишется в стихах:

И комиссары в пыльных шлемах
Склонятся молча надо мной...

Но жизнь не стихи. Комиссаров я уважал, но хотел стать летчиком. Усталый, в красивой пилотской куртке, я шел по полю аэродрома вместе со своими товарищами. Позади был очередной полет, очередная победа, а я шагал, не обращая внимания на восхищенные взгляды девушек.

Все, что сейчас рассказываю, это воспоминания человека, мягко скажем, далеко не молодого. Порой я не могу вспомнить имен друзей, с которыми общался месяцы и даже годы. Ушли

из памяти названия городов, бесчисленных поселков и деревень, через которые я прошел в войну. Но я постараюсь предельно правдиво передать все, что пришлось пережить.

Мне было жалко маму, но я уже договорился, что буду поступать в летное училище. В девятнадцать лет человек, сам не осознавая, бывает жестоким. Я не понимал отчаяния матери, и меня не смогли убедить ее слезы. Я с легкостью и категорично отказался от перспектив военно-политической учебы. Но судьба решила за меня все сама. Когда проверяли зрение, дало знать мое увлечение книгами. Врачи поставили два значка: правый глаз – единица, левый – 0,9. Для авиации я был непригоден. Отсеивали многих. В летное училище из нашего факультета попал лишь Костя Серов.

С группой «счастливиц» он уехал куда-то на следующий же день. А я дня три болтался на призывном пункте, где нас почти не кормили. Ко мне пробилась мама, принесла картошки, домашних котлет, сала, малосольных огурцов. Мы с Пашей Закутным и Петей Маленьким съели весь объемистый пакет за один раз. Мама сунула мне двадцать червонцев, купюрами по одному червонцу. Огромные деньги до войны.

Но по дороге в Саратов, на одной из станций, мы убедились, как подскочили цены. Рассудили, что самая выгодная еда – семечки. Можно грызть целый день. Купили чекушку самогона, хлеба, махорки и огромный пакет семечек. До Саратова от Сталинграда всего четыреста верст, но ехали мы двое суток. Семечек на этот путь нам хватило. Кроме того, на станции Петров Вал нас накормили среди ночи холодной пшенной кашей с подсолнечным маслом.

Несколько человек из нашего института попали в Саратовское танковое училище номер один. Позже в Саратове организуют еще несколько танковых училищ. То, в которое привезли нас, располагалось в Кировском районе Саратова.

Военный городок, огороженный колючей проволокой, состоял из двухэтажных каменных казарм, нескольких административных зданий, складов. Наша учебная рота состояла из 130 курсантов. Спали на двухъярусных койках. Учеба началась второго или третьего июля, сразу по прибытии.

Нас помыли, переодели в старую красноармейскую форму и еще более старые латаные-перелатаные сапоги. Дело в том, что сапог в армии не хватало. Почти всех красноармейцев обували в ботинки с обмотками. Но для танкистов обмотки не годились, цеплялись за все подряд, пока прыгаешь в люк да из люка.

Распорядок дня был такой: в шесть утра подъем, физзарядка, уборка постелей и завтрак. Кормили нас по девятой норме. Что это такое, мы не знали, но ходили постоянно голодные. На завтрак давали миску каши-размазни, ломоть пшеничного хлеба, кусочек сливочного масла (не каждый день), горячий чай и маленькую ложечку сахара. Сахар можно было разделить на две кружки, что мы и делали. Граммов семьсот горячего, хотя практически несладкого, чая создавали ощущение сытости.

К обеду мы уже были готовы есть траву – довольно большой перерыв и интенсивные занятия требовали пищи. Тарелка супа, две ложки каши, хлеб, чай. На ужин снова каша, иногда картошка с вареной рыбой. Хотя Саратов расположен на Волге, речную рыбу давали редко. В основном морскую, чаще всего треску. Мне она не слишком нравилась, но когда оголодаешь, и вываренная соленая треска с перловкой летит, только подкладывай!

Иногда на завтрак ставили в алюминиевых мисках крупно нарезанную каспийскую селедку. Почему-то татары, у нас их было довольно много, не очень ее любили, а я мог съесть и три, и четыре куска – сколько доставалось. Порой вместо масла давали соленое сало. Его тоже татары вначале не ели, и все доставалось остальным. Но потом и они начали потихоньку привыкать.

Почему я так подробно описываю нашу еду? Да потому, что голод, вернее недоедание, – это первое, что мы почувствовали, когда началась война. Потом будут вещи куда страшнее.

Дисциплина в училище была жесткая. За самоволку, как правило, отправляли на фронт. Вначале мы чувствовали себя вольно, думали, что это пустые угрозы, но когда отправили человек пять-семь, многие поджали хвосты. В принципе, молодежь фронта не боялась. Повторю расхожую истину, что в юности чувствуешь себя бессмертным. Но мы хотели учиться, стать танкистами и выйти командирами с лейтенантскими «кубиками» в петлицах.

Учебных предметов было много, как будто рассчитывали на два года учебы, а не на шесть месяцев. Когда изучали многочисленные уставы, мы буквально засыпали. Запомнилось, что первые недели нас просто задолбали строевой подготовкой. Во взводе часы были у одного-двух курсантов. Украдкой спрашивали:

– Сколько там осталось?

Владелец часов, которого без конца дергали, отмахивался:

– Много...

– Сколько точно?

– Двадцать четыре минуты. Доволен?

Но строевая подготовка существует в любых войсках.

Терпели. Тем более нас убеждали, что без строевой выправки, умения четко шагать и отдавать приказы настоящих командиров из нас не получится. Знакомая по институту химическая защита, противогазы, отравляющие вещества. Они отпечатались крепко (зарин, заман, иприт и т. д.). От фашистов чего угодно ждать можно!

Из нас готовили командиров легких танков Т-26 и БТ-7. Уже через месяц мы неплохо освоили теорию, лихо ныряли в люки, наводили в цель пушку. Огонь! Готов фашист! Но все это была только имитация. Боевыми стрельбами пока не пахло. Сколько-то часов отводилось на устройство и вождение танка. К сожалению, все это изучалось на плакатах или на макетах, где мы старательно рвали рычаги, выжимали сцепление, выполняя развороты и двигаясь на полной скорости в бой. За рычагами старого Т-26 я побывал всего два раза, проехав в общей сложности километра полтора.

Нам повезло на командира взвода. Лейтенант Егор Севостьянович Шитиков был для нас уже «старик» – лет двадцать семь. Он воевал под Халхин-Голом, был ранен, учился на ускоренных курсах и получил сначала младшего лейтенанта, потом лейтенанта. Он запомнился мне своим добродушием и рассудительностью. Губастый, начинающий рано лысеть, Шитиков закончил пять или шесть классов, работал трактористом и мастерски владел танком.

На показательном вождении он творил чудеса. Танк взлетал на крутой, под сорок градусов бугор, стремительно несся вниз, перепрыгивал через рвы, миновал преграду и завершал бег выстрелами из «сорокапятки». Тогда эта тонкоствольная пушка впечатления на меня не производила. То ли дело трехдюймовые орудия или гаубицы-шестидюймовки, плакаты с изображением которых висели в учебном кабинете. Снаряд нашей танковой пушки весил всего тысяча четыреста граммов и легко перекатывался в ладони. Лейтенант Шитиков, или Севостьяныч, как мы его часто называли за глаза, доказывал нам, что «сорокапятка» – штука серьезная.

– Какая лобовая броня у немецкого Т-3? – спрашивал он.

– Двадцать миллиметров, – отвечали мы.

– Двадцать с лишним, – поправлял нас Шитиков. – Усилили они броню. Но «сорокапятка» на пятьсот метров все сорок миллиметров пробивает. Главное – попасть в цель.

Мы уже другими глазами смотрели на небольшой снаряд. Изучая техническую характеристику вражеских танков, мы подсчитывали, что Т-1, Т-2 и чешский Т-38, состоявшие на вооружении фашистской армии, наши пушки возьмут и на пятьсот и на семьсот метров. Мы спрашивали у Шитикова:

– Как там япошки воевали? Драпали, небось, всюю?

– Нет, – очень серьезно отвечал Егор Севостьянович. – Они не драпают и в плен очень редко сдаются.

– А танки у них какие?

– Разные. Легкие, те слабые. «Сорокапятки» их насквозь, через оба борта пробивали. А средние «Чи-ха», те посерьезнее будут. Пушка потолще нашей, только короткая. Били мы и те и другие.

– Ясное дело, япошкам до нас далеко! – хвастливо заявлял кто-то из молодых.

Шитиков вздыхал и прекращал разговор о Халхин-Голе. Видать, непросто там было. Изучали тактику боя с немецкими танками. Здесь уже не до шуток. Война шла второй месяц. Был взят Смоленск, Витебск, Белая Церковь, немцы вели наступательные бои на всех направлениях. Сводки Информбюро невнятно и с опозданием передавали реальную обстановку. Повторяют несколько дней подряд о жестоких боях в направлении Белой Церкви, затем долгое молчание и уже сообщают, что бои идут восточнее города. Выходит, заняли фашисты Белую Церковь!

В сообщениях Информбюро постоянно перечислялись потери немецких войск: уничтожены 12 танков, убиты 600 гитлеровцев, сбиты 10 самолетов и так далее. Подобных сводок было великое множество. И в кинохронике мы видели сторевающие вражеские танки, обломки самолетов, но немцы упорно продвигались вперед. Прямых сообщений о взятых немцами городах старались избегать. В нашей роте было уже немало курсантов, чьи семьи оказались в оккупации. Кое-кто получил письма о гибели родных. Но полевая почта в условиях отступления работала плохо, и многие получают известия о погибших, пропавших без вести летом сорок первого года, лишь зимой или даже к весне сорок второго.

Дважды выезжали на боевые стрельбы. Стреляли из вставных винтовочных стволиков, закрепленных в «сорокапятке» танка Т-26. Людей было много, нас торопили, и я отстрелялся плохо. Попал лишь один раз в угол мишени. Во второй раз тоже угодил одной пулей, но уже в центр. Паша Закутный подсмеивался надо мной:

– Снайпер! В десятку бьешь.

Впрочем, и остальные стреляли не лучше. Любая стрельба, а тем более из пушки требует практики. В начале сентября что-то изменилось. Пару раз провели настоящие боевые стрельбы. Я выпустил шесть снарядов-болванок и расстрелял несколько пулеметных дисков. Из пулемета у меня получалось неплохо, я даже получил благодарность. Стреляли из наганов. Здесь я себя переоценил и кое-как, со второго раза, выбил необходимое количество очков на слабенькую «тройку».

В тот период Шитиков, видимо, уже знал о скорой отправке части курсантов на фронт. Мы много занимались тактикой. Лейтенант более откровенно говорил о слабых сторонах нашей техники. Я запомнил его слова, что не надо без конца высчитывать толщину брони, а учиться не подставлять себя под удар. Говорил, что атака – это не парад перед кинокамерой. Скорость, постоянный маневр и огонь с коротких остановок.

К сожалению, «шапкозакидательство», хоть и частично, прошло, а полной информации, например о немецких противотанковых орудиях (нашем главном враге), мы не имели. Нас убеждали, что тридцатисемимиллиметровку даже сами немцы называют «колотушкой». Между тем это скорострельное легкое орудие пробивало броню наших основных танков Т-26, БТ-5, БТ-7 за полкилометра и больше. Не говоря уже о «пятидесятке», которая была опасна для нас и на расстоянии километра.

Порой неосторожная фраза о сильной стороне оружия врага оборачивалась неприятностями. Конечно, за настроением курсантов и преподавателей следили замполиты всех рангов (существовал целый аппарат!) и сотрудники особого отдела. Но, вспоминая некоторые последние фильмы о войне, я скажу, что тотальной охоты за «паникерами, пораженцами» не было. Помню, на комсомольском собрании отчитывали парня, который довольно объективно, но

излишне много говорил о сильной авиации немцев, хорошей оптике на танках. В принципе, он был прав, но болтать по этому поводу в широком кругу было в тот период просто глупо. На комсомольском собрании горячие головы хотели немедленно исключить его из комсомола и отдать под трибунал. Выступали многие. Парень каялся, едва не плакал. Отделался строгим выговором. Зато один из расхлябанных курсантов, загулявший у знакомой бабенки, был буквально за утро оформлен на фронт.

Но вернусь к учебе. Шитиков спокойно, без патетики рассказывал о боевых качествах наших и вражеских танков. Мы узнали, что у немцев на вооружении состоит много неплохих чешских танков Т-38 с довольно крепкой броней.

– Но зато пушка у него 37 миллиметров, – рассказы вал лейтенант. – И скорость сорок километров. БТ-7 по всем показателям его превосходит.

О нашем основном противнике, немецком танке Т-3, взводный говорил с большой осторожностью. По слухам, немцы в ходе первых недель боев усилили броневую защиту Т-3, а пушки-«пятидесятимиллиметровки» не уступали нашим. Правда, скорость у Т-3 была также ниже, чем у БТ-7, на десяток километров. Но все мы прекрасно знали главную слабость наших, вполне современных для того времени танков БТ-7 – слабая броня, которую пробивали даже немецкие «колотушки».

– Мы еще посмотрим, кто кого! – повторяли курсанты. – А орудия у нас мощнее.

Что мы знали о войне? Ничего. Но уверенности хватало. Это тоже много значило. Война нам еще предстояла, а пока я расскажу о том небольшом круге ребят, с кем мне предстояло не доучившись уйти на фронт в сентябре сорок первого.

Пожалуй, самой яркой личностью был Паша Закутный. Спортивно сложенный, много читавший, мы заслушивались, когда он отвечал на вопросы преподавателей еще в институте. Он хорошо знал историю, свободно оперировал датами, малоизвестными событиями. С ним всегда было интересно.

Спортивно сложенный, со светло-русыми волосами, он чем-то напоминал мне Есенина. В официальную программу института Сергей Есенин не входил, но по рукам ходили томики его стихов, изданные еще в двадцатые годы, рукописные блокноты. Есенина у нас любили. В узком кругу Паша часто читал его стихи, многие из которых знал наизусть. Как и в институте, на Пашу засматривались многие сотрудницы из женского персонала училища. Но он вел себя с ними очень застенчиво. Когда девчата начинали над ним подсмеиваться или приставать с откровенными намеками насчет свиданий, он молча уходил. Скажу честно, я ему завидовал. На меня такого внимания не обращали.

Помню, он как-то отозвал меня в сторону и рассказал, что его вконец достала Зина Салина, занимавшая какую-то хозяйственную должность в училище. Зина была видная, рослая женщина, с большой грудью. Ходила в форме старшины, в обтягивающей юбке. Мужики на нее облизывались.

– Привязывается ко мне как банный лист, – ковырял землю сапогом мой дружок. – У нее и муж есть, с другими ребятами путалась, а теперь ко мне прилипла. Мол, все у нас хорошо будет. Она с замом по тылу училища в дружеских отношениях. После окончания учебы обещала оставить меня здесь. Будешь молодых учить, зачем тебе на войне пропадать. А уляжется все, успеешь на фронте свои ордена заработать.

– А ты? – глуповато усмехался я.

– Противно, Леха. Ну, не нравится она мне. Корова какая-то.

Коровой я Зину не считал и подумал, что если бы она липла ко мне, то, я, пожалуй, согласился бы с ней дружить. А насчет фронта? От фронта я увильвать не хотел.

Из студентов с нами держался вместе Петя Маленький. Он был примерно года на два постарше меня, рано женился, имел ребенка. После десятилетки, из-за нехватки учителей,

преподавал в сельской начальной школе. Он был молчалив по натуре. Иногда показывал мне фотографию жены. Дочь у него родилась перед войной, сфотографировать не успели.

Как студент, Петя в институте ничем не выделялся, но учился неплохо. И курсантом он считался добросовестным. Игорь Волошин хотя был нашего факультета, но держался поодаль. Запомнился мне Илья Сошников с биологического факультета. Понятие «дисциплина» для него не существовало, но Илья умел ловко выворачиваться. Хорошо пел, играл на гитаре, имел успех у девушек. А точнее, у женщин. Большинство из нашей небольшой компании с женщинами дел не имели. Наверное, время не подошло, ведь в те годы другие понятия о дружбе, любви были. Хотя не правы будут те, кто думает, что мы едва не беспольными были. У кого как получалось.

Уже в училище мы подружились с другими ребятами. Иван Войтик, из белорусов, был низкорослый, жилистый. У него, что называется, золотые руки. До войны Иван работал трактористом. Вначале его направили на курсы механиков-водителей, но, узнав, что у Войтика образование семь классов, срочно перевели в училище. Войтик хорошо разбирался в технике. Помню, однажды на кухне сломалась электромясорубка. Повара недоглядели, как туда попала кость. Им бы крепко досталось за расхлябанность, но выручил Войтик. Иван работал с ними всю ночь, вытачивал на станке какую-то деталь. Вернулся под утро крепко навеселе и принес нам кастрюлю картошки с мясом и острым соусом. Вот это был подарок! Я на Новый год такие не получал.

Подружились мы с командиром отделения сержантом Федей Садчиковым. Он около двух лет отслужил в армии. По сравнению с нами, с «зеленью», он знал многое, что давалось нам с трудом. Например, собрать-разобрать винтовку, наган, ровно заправить кровать, мыть огромной шваброй полы в казарме.

Кому приходилось рыть окопы, знает, как неудобна саперная лопатка. Особенно когда земля твердая. И вообще, не приспособлена наша малая саперная лопатка рыть окопы глубиной полтора метра. Одно достоинство – что легкая и носить удобно. Федор Садчиков учил нас, как ступеньками быстро отковыривать пласты земли и углублять окоп.

– А лучше под рукой имейте обычную штыковую лопату, – говорил он, – хотя бы одну на отделение.

Федю мы уважали как командира и как товарища.

Примерно числа двадцать второго или двадцать третьего сентября во всех учебных ротах прошли беседы с курсантами. Было объявлено, что наши войска с тяжелыми боями оставили Киев. По радио об этом передавали невнятно. В связи с продолжающимся наступлением немецких войск желающим было предложено временно прервать учебу и отправиться добровольцами на фронт. На два-три месяца.

Практически все курсанты изъявили такое желание. Начальство не сомневалось в нашем патриотизме. Списки добровольцев уже заранее были готовы. Нам пообещали присвоить сержантские звания, поблагодарили за преданность Родине и стали спешно готовить к отправке. Как я понял, отбирали в первую очередь тех, кто уже служил в армии, имел специальность тракториста, а также ребят, имевших образование 7 – 10 классов и показавших неплохие успехи в учебе.

Из нашей роты отобрали в числе других Федора Садчикова, Пашу Закутного, Ивана Войтика, Илью Сошникова, Игоря Волошина, Петю Маленького и меня. Я перечислил тех, кого помнил и с кем общался. Родителям написал короткое письмо, что училище переводят в другое место, адрес сообщу позже.

Через сутки мы уже ехали в теплушках куда-то на северо-запад. Эшелон остановился ночью под городом Трубчевск Брянской области. Сам город я не видел, мы выгружались на окраине, а потом на полуторках (специально для танкистов выделили!) приехали в расположе-

ние штаба одной из частей 13-й армии Брянского фронта, которым командовал ставший знаменитым в будущей Сталинградской битве генерал-полковник Еременко А.И.

Нас определили в отдельный танковый батальон. Обещанные сержантские звания присвоили далеко не всем. Федор Садчиков стал старшим сержантом и был назначен командиром танка. Младшего сержанта получил Иван Войтик, назначенный механиком-водителем. Остальные стали рядовыми танкистами. Моя должность называлась башенный стрелок.

Батальон располагался в огороженном редкой колючей проволокой сосновом лесу. Состоял он из двух танковых рот, укомплектованных в основном легкими танками БТ-7, БТ-5 и Т-26. Имелся также разведывательный взвод и еще какие-то небольшие подразделения. Я попал в третий взвод первой танковой роты. Взводом командовал лейтенант Князьков. Можно сказать, мне повезло. Меня назначили башенным стрелком в экипаж БТ-7 под командование Федора Садчикова. В этом же взводе был Паша Закутный (тоже башенный стрелок) и Ваня Войтик. Я был очень доволен, что мы зачислены в одно подразделение. Но Садчиков и Войтик моей радости не разделяли.

– Сколько про «тридцатьчетверки» говорили, – крутил сигарку Садчиков, – а их в батальоне всего две. Да и первая рота тоже не мед! Первые всегда кругом затычки.

Войтик завидовал, что мы с Федором попали на новый БТ-7 с четырехсотсильным двигателем, а ему достался Т-26 со слабой броней и изношенным девяностосильным движком. Но как бы то ни было, а предстояло воевать на том, что есть. Поэтому дисциплинированный Войтик поделился своим недовольством только со мной.

Механиком-водителем в нашем экипаже был дядька годов за сорок, Прокофий Петрович Шпень. Бывалого вояку механик-водитель из себя не строил. Принял спокойно, что командиром назначен старший сержант, годившийся ему в сыновья. Из уважения к возрасту мы называли нашего механика-водителя по имени-отчеству, а затем просто по имени. Прокофий Шпень успел повоевать немного под Смоленском. По крайней мере, попал раза два под бомбежки и даже готовился идти в атаку. Свою короткую историю пребывания на фронте он рассказывал так:

– Отошел от танка по нужде. А тут обстрел. Штаны лежа надевал. Выждал немного, пополз. А «бэтэшка» вся в дырках. Фугасный снаряд прямо напротив моего люка ахнул. Броня спереди по швам лопнула, сплошные дыры, гусеницы порваны, пушка как спичка сломана. Я полез глянуть, что там внутри, а тут снова снаряд. Месяц в госпитале провалялся. В общем, худое брюхо меня спасло. А командира со стрелком по стенкам размазало. Во, гляньте... И чтобы мы не сомневались, показывал огромный багровый рубец и вмятину на боку.

– Так по немцу и не стрельнул? – спросил Садчиков.

– Мое дело – танк вести, – гордо отвечал Прокофий. – А стрелять вы будете.

Мне трудно вспоминать все детали тех последних дней сентября 1941 года, когда мы прибыли в боевую часть. Фронт мы слышали и видели отчетливо ночью. То в одном, то в другом месте светились зарницы и доносился слабый гул отдаленных взрывов. В первый же день шесть немецких самолетов бомбили лес неподалеку от нас. Я помню, как вздрагивала земля, и невольно искал глазами укрытие.

Наш механик-водитель объяснил, что прилетели немецкие пикировщики Ю-87. Их легко распознать по торчащим колесам. Слово «шасси» Прокофий не употреблял, возможно, не понимал. Мало что знал наш механик и о немецких танках, так как успел побывать лишь в резерве и госпитале. Но «юнкеров» насмотрелся:

– Ен, сука, сверху валится, как подбитый. Своем, аж уши закладывает. Бьет точно. Видел, как бомбой в грузовик попал. Ни одной железяки больше полметра не оста лось. А от людей вообще ничего. Дымит воронка, и гарью воняет. Спикирует, бомбы сбросит и круто вверх. На пяток секунд почти неподвижно зависает. Тут его в брюхо и бей. Только нечем. А он уже вверх

с ревом идет, и пуле метчик сзади подметает очередями все подряд. Вы его, ребята, берегитесь. А там, как Бог рассудит.

Мне с первого дня не понравился наш взводный, лейтенант Князьков. Он чем-то напоминал Игоря Волошина и казался заносчивым. Позже я пойму, что первое впечатление часто бывает обманчивым, особенно для нас, молодых парней, не испытавших на себе, что такое бой. Князьков, небольшого роста, коренастый, в кожаной куртке и с наганом на поясе, внимательно осмотрел Садчикова, Войтика и еще несколько человек, попавших в его третий взвод. Сказал, что в шинелях в танках не воюют, и приказал снять их. Так же критически, почти брезгливо, осмотрел залатанные гимнастерки, шаровары, старые потертые сапоги. Единственным более-менее подтянутым и аккуратным среди нас был Федя Садчиков.

– Представьтесь, – остановился напротив него Князьков.

– Старший сержант Садчиков. Назначен в третий взвод командиром боевой машины.

– Сколько прослужил?

– Два года в стрелковом полку и два с половиной месяца учебы в танковом училище.

– Быстро нынче учат, – усмехнулся Князьков. – Меня, например, два года учили.

– Я тоже бы хотел лейтенантские кубики носить, – глядя в глаза взводному, спокойно ответил Федор. – Пошли добровольцами.

– Добровольцев много воюет. Что, теперь прикажешь медаль тебе «За отвагу» повесить?

Лейтенанта раздражало независимое спокойствие Садчикова, который ничего не ответил и продолжал стоять по стойке «смирно», глядя поверх головы взводного.

– Кто-нибудь воевал? – И, не дождавшись ответа, заключил: – Сразу видно тракторную бригаду. Еще немца живого не видели, а в лейтенанты рвутся.

Меня все больше задевал этот никчемный разговор.

– Покормили бы сначала, – сказал Паша Закутный. – Сутки не ели.

– Сутки, конечно, очень много. Не померли с голоду?

Князьков стоял, покачиваясь с пяток на носки. Одет он был форсисто, как командир-танкист с плаката. Кожаная куртка, синие бриджи, фуражка. На поясе – полевая сумка, наган в кобуре.

– Никак нет, товарищ лейтенант, – козырнул Паша. – Мы и неделю потерпим. Просто ребята интересуются. Или и дальше нас будете отчитывать за то, что мы не так одеты и, не доучившись, добровольцами пришли?

Паша повернул смело. Лейтенант сразу прекратил знакомство, приказал выдать всем телогрейки и стал распределять по машинам. Паша Закутный, конечно, попал на перевоспитание в экипаж Князькова.

Наш третий взвод состоял из двух танков БТ-7 и одного Т-26. Два других взвода тоже были укомплектованы частично «бэтэшками» и устаревшими Т-26. Командовал ротой старший лейтенант Тихомиров. У него была знаменитая «тридцатьчетверка», громадина, по сравнению с нашими легкими машинами. Немногим выше БТ танк Т-34 был почти на метр шире и длиннее. Усадистый, с сильной броней, которая чувствовалась даже на расстоянии, не говоря уже о мощной 76-миллиметровой пушке. О знаменитой «тридцатьчетверке» ходили легенды. Говорили, что поджечь этот танк почти невозможно, так как он работает на солярке. У нас в училище имелся лишь один экземпляр «тридцатьчетверки». Он стоял в отдельном боксе под охраной и считался секретным объектом.

Мы смотрели на «тридцатьчетверку» с тайной завистью. Садись в нее и круши тяжелыми снарядами фашистскую сволочь. Мне доведется воевать на этой маневренной, надежной машине. Я смогу оценить ее превосходство над вражескими танками, а часть рассказов о ее непобедимости окажется мифом. Дадут знать о себе еще недоработанные двигатели, кстати, всего на 50 «лошадей» мощнее, чем у БТ-7. И бортовую броню немцы научатся просаживать своими усиленными снарядами, подкалиберными и кумулятивными.

В батальоне были всего две «тридцатьчетверки». У комбата и нашего ротного. Диковинкой смотрелся тяжелый танк КВ-2 с гаубицей калибра 152 миллиметра. Правда, громоздкая башня делала танк каким-то несуразным. Но я считал, что этот мамонт с такой пушкой не подпустит близко к себе ни один вражеский танк.

Собравшись вечером, мы пришли к выводу, что нам повезло. Отдельный батальон на правах полка. Спокойный и доброжелательный командир нашей первой роты, старший лейтенант Тихомиров. Сразу понравился комбат, капитан Хаустов, единственный из командиров с орденом Красного Знамени. Мы не успели вскочить при его появлении. Вместе с кем-то из командиров он шел быстрым шагом по своим делам. Комбат остановился и немного с нами поговорил.

– Жаль, что не доучились. Но бой – лучше всякой науки. Это ничего, что немцы нас вначале одолевали. Зато сколько их танков горелых под Смоленском осталось. И будем их еще сильнее бить. К драке с фашистской сволочью готовы?

– Готовы, товарищ комбат, – дружно ответили мы.

– На днях получим еще «тридцатьчетверки». Будет полегче.

Вряд ли сам комбат верил, что будет легче. Война уже шла три с лишним месяца. 16 июля немцы взяли Смоленск, но на два месяца увязли в боях вокруг древнего города. Линия фронта держалась пока в ста километрах восточнее Смоленска, но и до Москвы оставалось всего четыреста, а от Брянска – пятьсот с небольшим километров.

Наступление на Москву на участке нашего Брянского фронта началось 30 сентября 1941 года. Ближайшими планами немецкого командования, как позже выяснилось, были города Брянск и Орел. Над нами большими и малыми группами шли немецкие самолеты: пикировщики Ю-87, тяжелые двухмоторные «Юнкерсы-88», истребители. Кого-то бомбили, обстреливали из дальнобойных орудий. Потом разнесся слух, что немцы прорвали фронт. Что это означает «прорвали фронт», я тогда не понимал. Зато хорошо знали те немногие командиры и бойцы, которые уцелели в летних боях, видели гибель целых полков и дивизий. Мы сидели в танках, вылезая лишь по нужде. Встретились с Пашей, и он злорадно сообщил:

– Летеха наш не из героев. Бойтся Князьков. Даже ко мне привязываться перестал.

Я тоже боялся. Временами на меня нападала дрожь. Руки тряслись так, что я не смог набрать в кружку воды, когда меня попросил Федор Садчиков. Я протянул ему трехлитровую флягу, а потом жадно пил сам. День был холодный, а по лицу катился пот. Прокофий хорошо видел мое состояние и сказал, ни к кому не обращаясь:

– Перед боем всегда так. Весь напружинишься, ждешь команды. Скорее бы, что ли...

Одни части снимались и куда-то шли. Другие оставались на месте. Потом настала очередь нашего батальона. Дул холодный ветер, с деревьев летели листья. Быстрые облака неслись по голубому небу. Батальон шел походной колонной по лесной дороге. Без конца останавливались. По каким причинам, не знаю. Во второй роте расплавились подшипники у БТ-5.

Командир роты бегал вокруг танка, матерился. Он явно боялся комбата. За такие вещи можно было угодить под трибунал. Танк оттащили в сторону. Неизвестно, что с ним стало дальше, но вскоре наша рота отделилась от батальона. Мы проехали километров семь и остановились на опушке леса. Впереди были позиции полка, за которым нас закрепили.

Полк яростно долбила немецкая авиация. Штук двенадцать «Юнкерсов-87» кружились, по очереди пикируя и обрушивая вниз бомбы. До позиций было километра полтора. Все звуки слышались отчетливо. Зенитного прикрытия и наших самолетов в воздухе не было. Немцы хозяйничали как хотели.

Полтора километра – большое расстояние. Фигурка человека кажется крошечной. Но я видел лица бегущих в нашу сторону бойцов. Может, от напряжения что-то происходит со зрением? Но, скорее всего, мозг работал как-то по-другому. Двенадцать «юнкерсов» – большая

сила. Разрывы тяжелых бомб доставали взрывной волной наши танки. С деревьев сыпались мелкие ветки, и земля ощутимо вздрагивала. У пехоты не было бетонных укреплений, и немцы бросали свои «пятисотки», чтобы посеять панику. Вместе с ними «юнкеры» сбрасывали множество осколочных бомб калибром поменьше. Грохот взрывов сливался с непрерывным треском пулеметов.

Такое я видел впервые. Клубящиеся облака дыма, огромные столбы взлетающей земли, каких-то обломков. Серая пелена и вой сирен. Бомба угодила в хранилище боеприпасов, и облако дыма словно проткнуло огненным смерчем. В других местах тоже что-то горело. «Юнкеры» сделали еще пару заходов. Стреляли только из пулеметов, но их было так много, что треск стоял непрерывный. Жутко представить сейчас, что творилось там.

Многие из бойцов, пытавшихся убежать, лежали на осенней траве убитые или тяжело раненные. Остальные приближались к лесу. Командиры пытались их остановить, бежали следом, стреляя из наганов вверх. Но бойцы мелкими кучками и поодиночке ныряли в кусты, исчезали среди деревьев.

– Труссы! Паникеры! – кричал Тихомиров. – Вы пре даете Родину!

Вряд ли кто из бегущих красноармейцев слышал или понимал, что им кричат. Ротный приказал дать несколько предупредительных очередей, но и это не помогло. Появились еще четыре самолета, чем-то похожих на наши истребители-бипланы «чайки», с такими же массивными радиаторами. Позже я узнал, что это были легкие бомбардировщики «хеншель-123». Два самолета снова принялись обрабатывать позицию полка, а два с небольшой высоты преследовали убегающих.

Раскрашенные в несколько цветов, с красными хвостами и обязательной свастикой на них, самолеты сбрасывали небольшие бомбы и били очередями по бегущим, которые инстинктивно сбивались в группы. Спаренные очереди поднимали фонтаны земли, перехлестывая фигуры в серых шинелях. Еще несколько человек все же успели добежать до леса, а трое спрятаться под бревенчатым мостком. Привели пятерых, пойманных по приказу командира роты, а когда самолеты улетели, на нас выбрали двое красноармейцев, прятавшихся под мостком. На вопрос, где третий, угрюмо ответили, что на дне речки. Пули достали его через бревна. Тихомиров принялся их отчитывать, обещая трибунал, а Федя Садчиков считал убитых, лежавших на поле.

– Их там человек сорок с лишним, – тихо сообщил он мне.

Двигаться дальше по открытой местности ротный не рискнул. И правильно сделал. Нас бы раздолбали на поле почему зря. Немцы попадать в цель умели. Сквозь панораму я видел приближенные оптикой разбитые пушки и многочисленные воронки вдоль линии стрелковых ячеек. Низко пригнувшись в седле, к нам прискакали капитан, назвавшийся помощником командира полка по разведке Безугловым, и сержант. Капитан поглядел на стоявших под деревом беглецов. Те съезжились, Безуглов обрушился на нашего ротного:

– Долго прятаться здесь будете? Вам был приказ идти на поддержку полка. Не слышали?

– Все я слышал... и видел тоже, – огрызнулся старлей. – Самолеты десять минут назад как улетели. Нас бы на открытом месте расколошматили в момент.

– Может, и так, – согласился капитан. – Бомбежка кончилась, дальше сидеть здесь нечего. Дуйте в расположение полка.

Капитан оглядел своих красноармейцев. Те съезжились еще больше, сбившись в тесную кучку. Один – босой, почти все без шинелей, но винтовки бросили лишь двое. Один сразу доложил:

– В речке винтовка утопла. А гранаты на месте, две штуки. И лопатка саперная тоже.

– И у меня утопла, – подхватил второй. – А гранат не было. Зато патронов полный под-сумок.

Явно, что винтовки они бросили со страху. В речке глубина метра полтора в самом глубоком месте. Сейчас они со страхом ждали, что решат командиры.

– Бегом на позиции! – скомандовал капитан. – Винтовки у павших подберете.

От слова «павшие» у меня что-то ворохнулось в груди. Несмотря на свои девятнадцать лет и не слишком великое умение разбираться в людях, я понял, что молодой капитан (и уже помощник командира полка!) уважает людей. Больше всего я боялся, что после бойни, устроенной немецкими самолетами, капитан Безуглов прикажет расстрелять беглецов. Сколько людей самолеты угробили, давай еще добавим! Дело в том, что везде, и в училище, и с первых дней в батальоне слова «трибунал» и «расстрел» были самыми расхожими. С трусами в бою не церемонятся! Трибунал, и к стенке! Выходит, капитан был не такой. Он даже не угрожал своим струсившим бойцам, которым по всем статьям полагался трибунал.

Мы уже готовились заводить моторы, когда неожиданно из-за поворота вывернулся наш старшина на мотоцикле с коляской.

– Стойте! Я вам пожрать привез.

Капитан разрешил задержаться на пятнадцать минут. Каждый получил полный котелок ячневой каши с тушенкой, по банке рыбных консервов и пачке махорки. Старшина сказал, что хлеб подвезут позже, и укатил. А мимо нас тянулся бесконечный конный обоз. Повозка за повозкой, и в каждой по трое-четверо тяжелораненых. Раненые полегче шли, держась за края повозок. Ездовые их отгоняли:

– Вишь, лошади не тянут!

– Сам слезай и иди, – огрызались раненые. – Небось, не ранен.

Выглядели они жутко. Совсем не мужественно и красиво, как в фильмах. Один, перемотанный бинтами и полосками нательной рубашки через грудь, плечи, руки до кончиков пальцев, пытался вылезти из повозки и выкрикивал:

– Быстрее, чего тянетесь. Помираю...

Некоторые лежали вниз лицом, и я подумал, что это мертвые. Потом догадался – они ранены в спину или ягодицы. Один красноармеец сидел, неестественно выпрямившись, держась рукой на край повозки. На плечи была накинута шинель, а широкая повязка на груди почернела от крови. Из рта тоже тянулась нитками кровь. Его поддерживал санитар и согласно кивал, когда тот что-то пытался сказать.

– Грудь разорвало, – прошептал Федя. – Помрет. Перебитые ноги у некоторых были туго обмотаны кусками гимнастерок, торчали самодельные деревянные шины. Над вереницей повозок стоял гул стонов, умоляющих голосов, кто-то звал мать, просили спирта. Мы раздали почти всю махорку. Спирта у нас не было, а имелся бы, мы и сами бы выпили. Меня не отпускала дрожь от всего увиденного. Разве это война? Мясорубка какая-то. Эти бедолаги по фашистам даже не успели выстрелить, а их уже искалеченных в тыл везут.

Минуя обоз, мы проламывались через кусты. Капитан Безуглов на лошади сопровождал нас. Мы спустились из леса. Осмотрели мост, исклеванный пулями. Решили, что легкие танки пройдут. «Тридцатьчетверка» Тихомирова шла последней. Сержант Шарафутдинов, механик-водитель на Т-34, которого мы для краткости именовали Шараф, осторожно вел тридцатитонную махину. Мост под тяжестью танка трещал и ощутимо прогибался. Когда он прошел две трети, что-то оглушительно треснуло. Лопнуло одно из бревен. Обломок метра полтора длиной, кувыркаясь, отлетел далеко в воду. Механик от неожиданности дал газ, лопнуло пополам еще одно бревно, но танк уже выскочил на левый берег.

Тихомиров вместе с Шарафом снова прошли по мосту. Было ясно, что «тридцатьчетверку» расшатанный, треснувший настил второй раз не выдержит. Легкие танки, возможно, и пройдут. Речушка была так себе, одно название – метров пятнадцать в ширину, но с илистым, вязким дном. Прошли две последние санитарные подводы, а капитан насмешливо спросил Тихомирова:

– Ты по мосту отступать, что ли, примеряешься? Забудь про это, товарищ старший лейтенант.

Я заметил, что Тихомиров покраснел.

– Никто отступать не собирается, но пути отхода знать надо.

– Куда нам еще отходить? – засмеялся Безуглов и хлопнул старлея по плечу. – Раненых вывезли. Расстрелять мост к чертовой матери!

– Есть расстрелять, – козырнул наш ротный. – Федор, четыре фугасных под «быки». Огонь!

Я был башенным стрелком, и команду предстояло исполнять мне. Вот бы не подумал, что первые выстрелы на войне сделаю по своему родному русскому мосту. Но четырех снарядов оказалось мало, хотя со ста метров я не промахнулся ни разу. Взрывы переломили десяток бревен, вырвали кусок настила. Мост слегка накренился, но продолжал стоять. Я выстрелил еще два раза. Брызнули крупные щепки, отвалились перила. Я подумал, что мы зря гробим такой прочный мост. А если все же отступать придется?

– Ладно, – махнул рукой начальник разведки, – слабоваты ваши пушчонки.

Он приказал часовым у моста собрать сушняк и поджечь мост. Тихомиров мог бы своей мощной трехдюймовкой разнести избитые бревна, но промолчал и дал команду двигать вперед.

Командир стрелкового полка Урусов, высокий, худой, в длинной шинели, похожий бородкой клином и костлявым лицом на Дзержинского, не стал выговаривать, что мы отсиделись в лесу и не кинулись под бомбами разыскивать штаб. Да и найти его было мудрено. Штабные землянки располагались в овраге на левом фланге, где выдавалась вперед дубовая роща.

Танки приказали отогнать в лесок за штабом и замаскировать. Тихомирова и командиров взводов полковник оставил на совещание. Через час ротный собрал всех нас и растолковал ситуацию. Немцы, по данным разведки, находятся километрах в пятнадцати от линии обороны полка. Во время бомбежки погибло более ста человек, из них половина тех, кто убегал через поле. Разбило несколько пушек, но артиллерии пока хватает, а мы остаемся вроде как в запасе.

Только этот запас больше суток не продлится. А то и раньше в бой введут. Немецкие танки в любой момент могут появиться.

– Зря все же мост взорвали, – сказал кто-то из старых танкистов. – Пехота эту речушку вброд перейдет, а нам маневра в случае чего не будет. Сомневаюсь, что поблизости еще такой крепкий мост найдется.

– Взорвали и взорвали, – обрезал разговоры Тихомиров. – Маневры! Забудьте про любые маневры на восток. Отступать категорически запрещено. Или кому-то неясно?

Когда расходились, Прокофий мрачно заметил:

– Чего ж неясного? Два налета фрицы сделали. Сто убитых и раненых сотни три. Воевать еще не начали, а батальон списали.

– Да еще дезертиров добавь, – отозвался кто-то. – Вот тебе и ур-ря, бей фашиста! С кем бить, если немцы еще пару раз отбомбятся?

Ночью мы дежурили по очереди возле танков со снятыми и готовыми к бою пулеметами. Шли разговоры о диверсантах. Как они бесшумно подкрадываются и бьют в спину кинжалами зазевавшихся часовых, а потом режут глотки остальным.

– Абреки! – засмеялся Паша Закутный. – В осеннем лесу сучок хрустнет, за триста метров слышно. Просто дрыхнуть не надо. Три пулемета на постах да гранаты. Можно от кого угодно отбиться.

– Герой! – засмеялся Прокофий. – Штаны не потеряй.

Паша вспылал, но спор прекратил Федор Садчиков.

Предупредил:

– Не знаю, как взводный, но если кто ночью заснет, зубы повышибаю.

На Федю, видать, тоже сильно подействовали бомбежка, смерть, увечья сотен людей. Настроен он был зло. Вступать в пререкания с ним не рискнули даже ребята из соседнего взвода. Такой и правда вышибет.

Ужин нам не подвезли. Тихомиров ходил к полковнику, тот сказал, что его люди уже трое суток на голодном пайке сидят. Но уже в темноте прислал двух бойцов и лейтенанта. Бойцы принесли ведро молока и вещмешок вареной картошки «в мундире». Наверное, где-то в селе взяли. На три десятка человек хватило лишь червячка заморить. Спасибо и за это.

А ночью на посту я слышал, как гудели над головой бомбардировщики. Потом, словно в шпионском фильме, взвились две, еще две красные ракеты, показывая на позиции полка. Мы переполошились, ожидая, что на нас обрушатся бомбы, но самолеты, видать, уже пролетели. По ракетчикам, вернее, в их сторону, полосовал длинными очередями «максим», хлопали выстрелы. Ракет больше не было, а ротный приказал удвоить караулы. Прикорнул я только под утро, набросав на себя тряпье, которое нашлось в танке. У нас имелся брезент, которым были накрыты все машины. Однако ночь выдалась такая холодная, что от брони на расстоянии несло могильным холодом. Когда вышел утром по нужде, под сапогами хрустел ледок. Не успеешь оглянуться – зима! Я все еще жил понятиями мирного времени. Мне и в голову не приходило, что до зимы еще надо дожить.

Вместо завтрака пили заваренный иван-чай. Пихали в кипяток оранжевые сухие будылья. Напиток цветом и вкусом действительно напоминал чай. Еще бы сахару и хлеба! Ну, хоть что-то горячее в брюхе булькает, и то хорошо. А потом снова началась война. И нашу роту она в тот день не миновала.

ГЛАВА 3

Едва допили горячее, прилетели шесть штук Ю-87 и, отбомбившись, долго стреляли из пулеметов. Тяжелая бомба, наверное, «двухсотпятидесятка», угодила в одну из штабных землянок. Большинство обитателей убежали и попрятались, но некоторых накрыло. Из мешанины земли и бревен торчал сапог. Значит, кто-то из командиров или писарей. Простые бойцы в полку поголовно ходили в ботинках с обмотками. За сапог вытянули половинку писаря. Без обеих рук и с расплющенной головой. Кого-то стошнило (значит, позавтракал, сволочь!). Останки писаря приказали зарыть там же и соорудить холмик.

Потом открыла огонь артиллерия полка, а мы чего-то продолжали ожидать на нашей запасной позиции. В кого бьют пушки, я не видел. Экипажам строго запретили покидать машины. Лишь Тихомиров наблюдал из окопа за ходом боя, держа телефонную связь с командиром полка. Меня снова начало трясти, а Шпень каждые полчаса бегал за танк. Не выдерживал кишечник. Федор Садчиков держался спокойнее других, шепча:

– Скорее бы... ну чего тянут.

Полк отражал танковую атаку, но танки все же прорвались на правом, дальнем от нас фланге, и два взвода рванули по приказу командира полка наперерез. Впереди двигалась «тридцатьчетверка» Тихомирова. С чего, с какого момента начался для меня бой? С грохота разорвавшегося рядом осколочного снаряда? Но стреляли не по нам, а по остаткам одной из легких батарей.

Я успел заметить разбитую вдребезги «трехдюймовку», разбросанную по частям. Колеса улетели неизвестно куда, ствол вырван и отброшен метров на пять, неподалеку валялся скрученный щит. Видимо, в пушку угодила авиабомба. Лежали присыпанные землей трупы артиллеристов. Тело одного из них показалось неестественно коротким. Мы промчались уже мимо, когда я сообразил, что у бойца оторваны по самый живот ноги. Под гусеницами хрустнули обломки зарядных ящиков, блестящие оружейные снаряды.

– Прошка, – заревел вне себя Садчиков. – Они же со взрывателями. Разнесет к хренам!

– Я щас, – бормотал Прокофий Шпень, на которого наш спокойный командир никогда не кричал, а тем более не называл Прошкой.

Последние минуты перед боем, предчувствие возможной смерти (не может такого быть!), что-то струнули в каждом из нас. Это был даже не страх, а какое-то сумасшедшее, рвущееся напряжение. Я вдруг увидел пятнистый немецкий танк и, не дожидаясь команды, выстрелил в него. Нас учили, в основном теоретически, стрельбе с ходу. Именно так стреляли танкисты в наших знаменитых предвоенных фильмах. Но опытные командиры, и Тихомиров в том числе, переучивали нас, ломая уставные требования. Бить с коротких остановок!

– Леха, не торопись, – Федор уже приходил в себя и командовал спокойно. – Это Т-3, до него метров шесть сот. Далековато.

Вот они какие, Т-3! Коробочки, примерно таких же размеров, как БТ-7, только шире и с плоскими башнями, которые делали их на вид более приземистыми.

Я видел пока четыре немецких танка. Они двигались быстро, ведя огонь только из пулеметов. А перед ними разбегались наши красноармейцы. Некоторые сбрасывали на ходу шинели. Но даже секундная задержка стоила им жизни. На танках стояли по два пулемета, и люди падали один за другим. Некоторые бежали, часто оглядываясь, и это тоже облегчало стрельбу немецким танкистам.

Одинокая короткоствольная «полковушка» била по танкам быстро и часто. Но ее накрыл вынырнувший из-за бугра небольшой танк с тонкой длинной пушкой. Удар разметал расчет «полковушки», который даже не успел развернуть орудие в нужную сторону. До вражеского

танка оставалось метров двести, но нам тоже предстояло развернуть башню. Вряд ли мы бы это успели!

Нас опередил взводный Князьков. Не знаю, кто стрелял, лейтенант или Паша, но весь экипаж сработал четко. Механик-водитель мгновенно крутанул танк, подняв фонтан земли, и сразу ударила пушка. Я впервые увидел, как гибнет танк. Такая же стальная коробка с живыми людьми внутри. Бронебойная болванка ударила прямо в пулеметную установку, справа от пушки, вмяла ее внутрь вместе с брызгами искр. Из отверстия выплеснулся язык пламени.

Танк продолжал двигаться, но пушка и второй пулемет молчали. Федор, отпихнув меня, выстрелил сам. Попал в правый подкрылок, загорелся топливный бак. Но танк добил все же наш самолюбивый взводный. Он выстрелил снова, вогнав снаряд в высокую лобовую часть под башней. В танке рвануло раз, другой, башню приподняло и снова брякнуло, но уже наискось, а из отверстий и щели под башней выкидывало горящие ошметки и языки пламени.

Вспыхнул Т-26 из второго взвода. Экипаж я не запомнил – слишком мало времени были мы вместе. Короткий танк (на метр короче нашего БТ-7) с цилиндрической башней и тонкой броней прошило и зажгло в момент. Успел выскочить механик-водитель и покатился по траве, сбивая пламя.

Немецких танков стало уже семь. Тихомиров несся им навстречу на своей «тридцатьчетверке». Ударил с остановки, промазал, но вторым выстрелом подбил немца, вломив ему снаряд в нижнюю часть рядом с гусеницей. Мы тоже открыли огонь по этому танку. Такая у нас была в тот день судьба – помогать тем, кто стрелял более метко. Федор выпустил три снаряда подряд, но окончательно развалил Т-3 наш ротный. От удара тяжелой трехдюймовой болванки сдетонировали снаряды, башню взрывом сбросило на землю. Из круглого отверстия взвился язык коптящего пламени, треща, рвались в огне патроны.

Подбили еще один танк из второго взвода. На этот раз БТ. Снаряд попал в левую гусеницу. Механик-водитель, видимо, недостаточно опытный, не сразу понял ситуацию. Закрутился, подминая и скручивая металлическую ленту.

Мощный двигатель БТ-7 сыграл смертельную роль в неумелых руках. В принципе, танк мог сколько-то метров проползти и на одной гусенице, помогая себе колесами левой стороны. Но механик так скрутил и вдавил между колесами гусеницу, что БТ завертелся на одном месте, как юла, оставаясь, по сути, неподвижным.

Неподвижный танк – мертвый танк. Эту истину я понял в те минуты, когда в застывшую «бэтэшку» один за другим врезались три снаряда. Выскочил командир танка, весь забрызганный кровью, и выволок раненого механика-водителя. БТ, несмотря на попадания в борт и башню, уже покинутый остатками экипажа, продолжал вращение и даже не горел. Лишь дымился. Все это я видел мельком, потому что метров со ста семидесяти в нас бил Т-3, а мы отвечали ему. Потом он исчез, и остальные немецкие танки попятнулись назад, ведя беглый огонь. Оказывается, нам на выручку шел первый взвод, и немецкие танкисты предпочли отступить.

Я видел, как они отступали. Немцы сумели остановить нашу главную силу, Т-34, старшего лейтенанта Тихомирова. В него стреляли сразу два или три танка. И попадали. Большинство снарядов рикошетило, но чувствовалось, в нашей «тридцатьчетверке» что-то серьезно нарушено, возможно, ранен экипаж. Машина отступала рывками, огрызаясь редкими выстрелами. И даже эти редкие снаряды, смертельно опасные для фрицев, заставляли их шархаться в стороны.

И все же немцы, даже в отступлении, действовали четко. Они подцепили недобитый Т-3 и поволокли его на буксире, прикрываясь беглым огнем. Мы дважды выстрелили в гребущий гусеницами вихляющийся БТ-3. Промазали. Мешала дымовая завеса, которой немцы прикрывали отход. Ротный, высунувшись из люка, показывал знаками, чтобы мы тоже отходили. Почему? Мы же их сейчас раздолбаем!

Я тоже высунулся из люка. Два наших легких танка горели, один, накренившись, дымил. Немцы вели сильный огонь из танковых пушек, к ним прибавились минометы. Выполняя команду, мы пятились, стараясь не подставлять борта, огрызаясь частыми выстрелами. Горел немецкий Т-3 и чешский Т-38, который был подбит первым.

Потери нашей роты в коротком бою оказались немалыми. Сгорели два танка, третий мы пытались вытащить, но он загорелся от очередного попадания. Погиб целиком один экипаж, еще несколько человек были убиты и ранены. «Тридцатьчетверка» получила серьезные повреждения. Бронебойный 50-миллиметровый снаряд врезался в башню и застрял в ней. Веер мелких осколков, выбитых снарядом из брони, убил наповал заряжающего и ранил командира роты Тихомирова. От других снарядов (мы насчитали пять попаданий) нарушились шестеренки поворота башни. Вместо кругового вращения угол поворота составлял градусов пятьдесят.

То есть наша мощная «тридцатьчетверка» могла вести огонь на довольно узком участке. В принципе, это не было такой уж смертельной бедой. Стрелять можно было, доворачивая корпус, но эффективность огневой мощи танка была снижена. Кроме того, хоть об этом не говорили во весь голос, существовала опасность, что отдача после нескольких выстрелов окончательно заклинит башню «тридцатьчетверки». Именно поэтому, не объясняя причин, Тихомиров, взяв нового заряжающего, выстрелил три раза подряд в сторону немецких позиций. Пушка пока работала нормально.

Серьезно пострадала трансмиссия старого Т-26 нашего взвода. Сыграли роль резкие повороты и быстрая атака на скоростях во время, в общем-то, короткого боя. Князьков накричал на Ивана Войтика. Белорус, сжав челюсти, молча выслушав лейтенанта, сказал:

– Чего кричите, товарищ лейтенант? – Когда волновался, акцент у Ивана звучал особенно заметно. – Не знали, что трансмиссия у нас ни к черту? И нечего кричать.

Сколько еще может пройти танк? – успокаиваясь, спросил Князьков.

– Нисколько. Сядьте за рычаги и послушайте, как железяки скрежетают. Как в ржавой молотилке.

– Ну, километр проедешь?

– Може, и проеду. А потом посреди поля намертво встану.

– И что делать будем?

– Надо снимать крышку, – стал объяснять Войтик, – разбирать, смотреть, ремонтировать.

– Сколько потребуется времени? – нетерпеливо спросил Князьков.

– Может, три часа, а может, увесь день.

Вытирая руки промасленной тряпкой, подошел ротный Тихомиров. Сказал, что крышку трансмиссии надо снять и глянуть. Подкрутить, где шестеренки ослабли. Но не больше. Нас в любой момент снова в бой бросить могут.

– Остальные машины в норме?

Оказалось, не в такой и норме. Надорвало гусеницу на «бэтэшке» из первого взвода. У них же сильно гонит масло Т-26. На гусенице срочно меняют трак, а с причиной утечки масла разбираются. Потом подошел техник-интендант из тыловой службы полка и спросил, будем ли мы хоронить наших танкистов в одной могиле с бойцами полка или отдельно.

– Вместе, – коротко отозвался Тихомиров. – Вместе погибли, пусть вместе и лежат.

– Они своих до исподнего раздевают, – сказал один из сержантов.

– Так положено, – ответил техник-интендант. – Есть приказ наркома.

– С наших снимать нечего, – невесело усмехнулся старлей. – Разве что с моего заряжающего. Остальные погибшие сгорели. Но моего заряжающего в комбинезоне положите. И в сапогах. Мы с ним уже год вместе.

– Как скажете, товарищ старший лейтенант, – не стал спорить тыловик. – Дайте парутройку своих ребят, надо погибших из танков вытащить.

Послали меня и конопатого башенного стрелка из первого взвода. Пока шли, познакомились. Конопатого звали Григорий, а родом он был из Таганрога. Возле наполовину вырытой второй братской могилы (первую засыпали еще вчера и обложили сосновыми ветками) лежали в несколько рядов погибшие. Почти все в рубахах и подштанниках. Одежду грузили в повозки и куда-то увозили.

Война поворачивалась ко мне совсем не таким лицом, какого я ожидал.

Ведь это герои. А их раздевают и кладут в землю в грязных окровавленных, пропитанных мочой подштанниках. Гриша из Таганрога сказал, что не по-божески раздевать мертвых. Я думал про другое и зло оборвал его, сказав, что погибшие обмочились не от страха, а от сокращения мышц в момент смерти. Я слышал об этом во время занятий по медицинской подготовке в институте. Гриша, признавая во мне старшего, согласно закивал.

Как мы вытаскивали четыре обгорелых трупа из танков, лучше не рассказывать. Тащили по кускам. Одного более-менее целого извлекли через водительский люк, да и то черно-фиолетового, скорченного, размером с десятилетнего ребенка. Нам дали порванные шинели и плащ-палатки, в которые мы завернули останки и положили среди погибших.

Пришел Князьков, и мы осмотрели длинноствольный танк, который чуть не угробил нас и которого подбил Князьков. Лейтенант с удовольствием ковырнул три оплавленные дырки и сообщил, что чешский танк Т-38 – машина сильная.

– Две дырки мои, а третья ваша, – сказал он и хлопнул меня по плечу.

– Спасибо, товарищ лейтенант, – неловко пробормотал я. – Если бы не вы, накрыл бы он нас.

Насквозь бы прошил, – согласился Князьков. – У него пушка тонкая, всего 37 миллиметров, но жалит, словно гадюка. Поэтому головой в бою вертеть как флюгером надо. Вы вперед устались, а он сбоку появился. Наверное, раздумывал: вас или трехдюймовку в первую очередь бить. Ударил по ней. Так что считайте, вам вдвойне повезло.

Мы заглянули внутрь через искореженный передний люк. Пахло жженым мясом. Весь экипаж танка, видимо, погиб. Три снаряда за полминуты – не шутка! Возле старой трехдюймовой «полковушки» с деревянными колесами возились артиллеристы. Бронебойный снаряд наконец пробил верхнюю откидную часть щита и напал убил наводчика. Тело уже унесли.

Потом снова раздался гул самолетов. Мы побежали к лесу, но поняли, что не успеем. Бросились все втроем в воронку от вчерашней бомбы. Говорят, в одну воронку два раза не попадают. «Юнкерсы-87» пикировали едва не до земли. Хоть убей, не могу вспомнить, ревели ли сирены в первый день, но сейчас «лаптежники» пикировали с таким воем, что я, не помня себя, врылся по плечи в рыхлую землю. Вой буквально разрывал мозг, лишая меня разума. Кажется, я скулил, кричать мешала земля, забившая рот. В эти минуты я по-настоящему понял, что такое страх на войне.

Молодые верят, что бессмертны. Наверное, чаще так и бывает. Но в те минуты, особенно когда неподалеку грохнул взрыв, я понял, что живым с этого поля не выберусь. Кому понадобилось хоронить мертвых? Неужели нельзя было дождаться темноты? Грохотало, выло совсем рядом. Я выдернул голову из земли, чтобы хоть увидеть свою последнюю секунду. Но увидел другую картину. Мелкие и крупные комья земли плясали, подпрыгивали по всей окружности воронки, скатываясь вниз. Конопатого Гришу засыпало по пояс, и он греб под себя еще комья, влипнув лицом в землю.

Князьков матерился, свернувшись в клубок, и дергал из кобуры наган. «Юнкерс» промелькнул прямо над воронкой. Огромный, с изогнутыми крыльями и торчащими, заостренными, как шпоры, шасси, он на долю секунды закрыл полнеба.

– А-а-а! – кричал Князьков и махал наганом. – Долетаешься, сука!

На вершине воронки появился красноармеец в расстегнутой шинели. Возможно, один из артиллеристов. Он хотел спрыгнуть к нам, но неведомая сила смахнула его, и он исчез в

одно мгновение. Мне показалось, что это какой-то призрак. Дальнейшее происходило одновременно. Снова раздался грохот, и одна стена бруствера обрушилась стеной на нас. Меня завалило по грудь. Что творилось с лейтенантом и конопатым Гришей из первого взвода, я не видел. С неба опадала завеса пыли, дыма, горящих лохмотьев, потом рядом плюхнулось что-то тяжелое. Я лихорадочно разгребал землю, вырываясь из ловушки, которая могла затянуть меня еще глубже. Почувствовал теплую руку.

– Волков, ты? – кричал лейтенант.

– Я, товарищ...

Слово «лейтенант» произнести не удавалось. Я продолжал раскапывать землю вокруг себя. Попадались целые шматки дерна, килограмма по три. Как меня не пришибло? А может, и ударило, но спас танкошлем. Наконец я докопался до колен и выдернул сначала одну, затем другую ногу. Тьма немного рассеялась, лейтенант тоже вылезал из земляной ловушки. Грудь раздирает кашель. Я понял, что меня душит гарь от взрывчатки. Кое-как помог Князькову и полез вверх, подтягивая его за собой. Оба кашляли и отплеывались. Где-то рядом оставался Гриша из Таганрога, но я чувствовал, что если не выберусь, то через минуту просто задохнусь.

Мы вывалились через бруствер и катались по земле, откашливаясь, выплевывая яд взрывчатки. Сильная тошнота выворачивала желудок, который был пуст, но мне казалось, если вырвет, то сразу станет легче. Я сунул два пальца в рот. Вышло немного воды с зеленью, а во рту нестерпимо горчило, словно я наелся хины.

– Двигайся, шевелись, – бормотал взводный, стоя на коленях и пытаясь подняться.

Весь облепленный землей, он был похож на негра. Рукав кожаной куртки болтался на нитках. Он сорвал куртку, а я телогрейку. Рванул воротник гимнастерки, душивший меня. Кроме нас, возле бруствера лежал красноармеец в распахнутой шинели. Значит, это не призрак и я не свихнулся? Мы кое-как приходили в себя, а боец громко повторял:

– Вам бы воды, а лучше перегонки... стакан... целый.

Он был контужен и кричал во весь голос.

– Там еще один наш боец. Завалило, – в три приема объяснял я. – Вытащить бы...

– Руку вывихнул, – снова запричитал красноармеец, показывая неестественно вывернутую кисть. – Можжит, сил нет. Врача надо, пропадет рука...

– Не скули, – оборвал его Князьков. – Найдем кого-нибудь, вправят.

Немного в стороне пронесся еще один «Юнкерс», стреляя из пулеметов. Я проводил его равнодушным взглядом. За нами пришли ребята из роты и привели на позицию. Гришу из Таганрога откопали уже мертвого. Тихомиров налил лейтенанту и мне по стакану разбавленного спирта. Я запил его водой, и меня вырвало.

– Добро переводит, – бубнил кто-то рядом, но я словно уплывал.

Очухался вечером, уже в темноте. Принесли котелок перловки, но меня воротило от запаха еды.

– Чаю бы...

Паша Закутный принес кружку теплого подслащенного чая. Я мелкими глотками кое-как выпил его. Горло и грудь нестерпимо жгло.

– Спасибо, Паша.

– Не за что. Может, поешь?

– Нет. Мутит. Дай бог, чтоб чай назад не вывернуло.

– Повезло вам с лейтенантом. Рядом трое ребят из полка бежали. От них одни ошметки остались.

– Фрицев отбили? – с трудом произнося слова, спросил я.

– Фрицев? Они сами отошли и на другом направлении прорвались. Они теперь и спереди, и сзади.

– Ничего, – бормотал я, теряя зыбкую нить сознания.

Потом заснул. Ночью меня в караул не будили, и я проспал в окопе под танком на подстилке из еловых веток, закутавшись в шинель.

Что такое один полк или батальон в масштабах тех осенних дней сорок первого года? Когда число погибших, попавших в плен наших бойцов и командиров исчислялось немислимыми цифрами, которым бы мало кто поверил. Да и узнали мы эти цифры много лет спустя.

Войска 3-й, 13-й, 50-й армий обороняли юго-западные подступы к столице. Я позволю себе обратиться к историческим документам, чтобы яснее понять ситуацию тех дней. Кто-то может найти неточности, ибо история Великой войны за прошедшие две трети века переписывалась не единожды, в угоду приходящим к власти правителям.

30 сентября 1941 года Вторая танковая группа генерал-полковника Гудериана в составе 15 дивизий, из которых – 10 танковых и моторизованных, начала наступление на Орел и Брянск. Его поддерживали почти все силы 2-го воздушного флота.

Действующая здесь 13-я армия Брянского фронта сражалась героически, но противник, используя громадный перевес сил, к исходу дня прорвал оборону и вышел ей в тыл. Первого октября части 2-й немецкой армии генерала Вейкса прорвались в полосу 50-й армии.

Третьего октября моторизованные соединения противника ворвались в Орел и двинулись дальше на Тулу. Шестого октября был захвачен Брянск. Войска Брянского фронта оказались расчлененными на части, а пути для отхода 3-й и 13-й армий перекрыты.

Пока я спал, к нам пробилась танкетка офицера связи армии, который, кроме приказов высокого начальства, сумел провести несколько грузовиков с боеприпасами, сухим пайком и горючим. Утром мы загружали танки снарядами и заливали баки бензином. Наш экипаж с удивлением убедился, что мы истратили в прошедшем бою лишь пяток осколочно-фугасных снарядов, зато щедро высадили запас бронебойных.

Механики-водители почти всю ночь не спали, ремонтировали Т-34 и возились с двигателем Т-26. Командир полка прислал на помощь двух бойцов, разбиравшихся в тракторах. Башню «тридцатьчетверки» кое-как укрепили, хотя угол поворота остался таким же узким. Двигатель Т-26 ремонту не поддавался, требовалась разборка и новые запчасти. Иван Войтик плевался и предрекал, что сцепление полетит через сто метров.

– Встанем посреди поля, и амбей! Бей нас, пока в головешки не превратимся.

– Ты, Ванька, чем орать, лучше бы доломал свои железяки, – тихо посоветовал Прокофий Шпень. – Сделали бы из танка огневую точку, а тебя в запас.

– Какой хрен запас! Винтовку бы сунули, и вперед. Бей фашистов! Пехоты не хватает.

– Да и со жратвой не густо! – поддержал его кто-то из ребят.

Мы ели хлеб с комбижиром и селедкой. Комбижир был противный, вонял коровьей шкуркой, крошился и на хлеб не намазывался. Харчи мы запивали все тем же иван-чаем. О чае позаботились танкисты постарше, заявив, что без горячего нельзя. Они же предупреждали молодняк, чтобы не наваливались на комбижир – пронесет после голодухи. Некоторые не послушались и, наглотавшись серых крошащихся комочков, начали бегать после еды в кусты.

Вернулся с совещания командир роты Тихомиров. Сообщил, что ожидается немецкое наступление, но мы пока остаемся в резерве. С запозданием раздали смертные медальоны – пластмассовые карандашники. Некоторые записывали свои адреса, молодые оставляли листы на прикурку. Над Иваном Войтиком, который старательно записал все данные о себе и адрес семьи, кто-то начал подсмеиваться. Иван молчал, старательно слюнявил химический карандаш, потом отбрил молодого:

– Чего рот щеришь? Если меня убьют, жене да детям хоть какая-то помощь от властей будет. Пусть овса мешок или ржи необмолоченной, но с голодухи не помрут. Мне с четырьмя

детьми никак нельзя без вести пропадать. Понял? А тебе фугасом башку сорвут – и будешь без вести пропавшим числиться. То ли дезертир, то ли еще непонятно что.

Белорус говорил с такой убедительностью, что смешки прекратились. Командир танка, молодой старший сержант, поддержал своего механика:

– Если пустой лист оставишь, думаешь, судьбу обманешь? Хрена с два. Она у каждого наперед записана до последней строчки. У нас под Смоленском один такой ум ник был. Как бой, так у него двигатель едва фурычит. За других прятался. А «юнкеры» с тылу заходить любили. Как врезали «соткой», от экипажа и танка, считай, ничего не осталось. – Сержант вздохнул и добавил: – Жалко ребят.

Я так и не понял, было ли сержанту жалко командира и башнера или весь экипаж вместе с трусливым механиком. Хотя чего там трусливый? Желających рваться вперед, лоб подставлять – немного.

Механик-водитель из первого взвода, коротконогий, округлый, как медвежонок, тоже рассказал про судьбу:

– А вот нам повезло. Под Оршей прямо в башню болванку вклепили. Насквозь, – он оглядел нас, чтобы мы прочувствовали серьезность ситуации. – И не маленькую, а миллиметров пятьдесят. Шарахнуло так, что в момент оглох. И что вы думаете? Прошла гадина между командиром и башнером. Командира тоже слегка оглушило, а башнеру мелкими осколками, как кошка лапкой, кожу на лице оцарапало. И снаряды не сдетонировали. Две бронебойные головки вышибло – все наши потери. Случается же такое, а?

– Везучие, – согласился Войтик.

– Я и говорю. Повезло.

– А дальше что было? Экипаж у тебя вроде другой.

– Дальше худо было, – механик печально покачал головой с короткой шеей. – Через день снова снаряд поймали. И что обидно, мелкий, наверное, 37 миллиметров. Но в упор. Врезало крепко, аж дым пошел. Думал, горим. Успел выскочить, «бэтэшка» подымила, да перестала. Ну, я полез, а там... Все в кровянице. Рука валяется, кому-то живот разорвало. Погибли смертью храбрых товарищи мои.

– Дурак ты, – сказал Шпень. – Какое уж тут везение? Ты со своей круглой мордой уцелел, а ребят на куски. Да еще танк бросил.

Механик стал оправдываться, что заглох мотор, и оставаться в танке было нельзя.

– Но я быстро вернулся!

– Медаль тебе на задницу.

Рассказ круглолицего нам не понравился.

Мы практически не отходили от своих машин, мельком перебрасываясь несколькими словами друг с другом. Когда выдалось несколько свободных минут, сели перекурить с Пашей Закутным и Федей Садчиковым. Более спокойно обсудили вчерашний бой. Говорили откровенно, у кого что накопилось.

– Хотите верьте, хотите нет, – горячо убеждал нас Паша, – а я в бою не боялся. Перед этим тряся, чуть в штаны не напустил, а потом как обрезало. – Стрелял ты или Князьков?

– Князьков, кто же еще! Он метко садит. Чешский танк прямо в лоб уделал. А у того броня, наверное, усиленная. И вторым снарядом добил. Когда в воронке его чуть не завалило, попроще стал. Он и наган там потерял. Страшно, когда землей живьем заваливает.

– Не то слово, – отозвался я. – Когда по грудь засыпало, да еще гари надышался, думал, не выберусь...

– Тебя лейтенант хвалил. Рассказывал, как ты ему помог. А Гришку из Таганрога живьем засыпало. Жуткая смерть.

Помолчали, вспомнили своих. Потом самый опытный из нас, Федя Садчиков, сказал, что немецкие танки не лучше наших.

– Горят, как спички. Но подготовка добрая. Помните, как они подбитый танк эвакуировали? Видать, тренировались не раз. Подцепили в момент, дымовую завесу поставили, а остальные танки огнем прикрыли. Так мы и упустили фашиста. Нам этим вещам учиться надо. А мы с тобой перли, вылупив глаза. Нас чешский танк едва в боковину не уделал. Спасибо Князькову. Здесь я, конечно, прозевал, а наука для всех.

– Танки у них не такие уж страшные, – сворачивая очередную сигарку, согласился Паша. – С этими, считай, на равных. Но мы еще с тяжелыми Т-4 не сталкивались. У них броня тридцать миллиметров и пушка семьдесят пять.

Паша лучше всех знал технику. И нашу и немецкую. По крайней мере, теоретически.

– «Сорокапятка» метров за пятьсот его возьмет, – предположил я.

– В лоб вряд ли. Это же не мишень. Наклон брони, дополнительная маска у пушки. Да и броню фрицы могли нарастить.

– Целиться надо лучше, – сказал Садчиков. – Прошибем мы его, если попадем куда надо. Ладно, чего гадать. Встретимся – увидим.

Паша Закутный вдруг вспомнил институт и девушек нашего факультета.

– А ведь бегали они за мной. Правда, Леха?

– Бегали. Ну и что? Чего сейчас хвалиться.

– Просто жалею. Среди них такие были... ну, согласные. Они уже с другими парнями до этого жили. Мне открыто намекали, а я боялся. Вспоминаю, вот дурак был. Сгоришь, как головешка, и не узнаешь, для чего женщины на свете существуют. И Зинку Салину зря упустил.

Помолчали, потом пошли к своим танкам. Тем более мы оставили возле машины одного водителя Прокофия Шпеня. Тот жевал сухарь, мокая его в кружку с водой. Предложил и нам, но мы отказались. Механик сообщил, что слышал оружейный гул на северо-востоке. Значит, нас обошли?

– Необязательно, – авторитетно ответил наш командир, Федор Садчиков. – Линия фронта извилистая.

– Лучше б она к западу извивалась, – неожиданно захохотал Прокофий и уронил огрызок сухаря на траву.

Поднял, обдул и снова принялся грызть. Мы тоже попросили, а пока грызли, насчитали целую армаду двухмоторных «юнкерсов», плывущих правильным клином на восток. Мы насчитали тридцать шесть бомбардировщиков и штук десять истребителей.

– Вот где-то шарахнут. Не повезет ребятам.

– Зато нам везет, – огрызнулся кто-то. – Могилы рыть не успеваем.

А вскоре немцы снова навалились на полк Урусова.

Штук пять танков на скорости обстреляли линию обороны. Потом отступили и, маневрируя, принялись настойчиво долбить позиции фугасными и осколочными снарядами. Урусов дал команду не отвечать до особого сигнала. Танки совсем обнаглели. Разбили «сорокапятку», накрыли несколько стрелковых ячеек, а потом вклепили фугас в командный пункт батальона. Был убит один из опытных комбатов и двое-трое помощников, находившихся вместе с ним.

Разозлившись, Урусов приказал открыть ответный огонь.

Немецкие танки попятнулись назад. Но влезли слишком близко. Трехдюймовая пушка Ф-22 врезала бронебойным снарядом в верхнюю часть башни Т-3, снесла перископ. Танк рванул назад, как пришпоренный, успев выстрелить в ответ. Но танкистов, видимо, оглушило тяжелой болванкой, и панцер едва не перевернулся. Все это происходило недалеко от нас, и мы хорошо видели в прицелы, что происходит. Могли и сами открыть огонь, если бы не запрет.

Следующие снаряды ударили в борт и колеса. Из люков посыпались танкисты в маленьких круглых шлемах-колпаках. По ним стреляли из «максима» и винтовок. Двое упали, остальные, пригибаясь, убежали прочь. Танк быстро охватило пламя. Еще один Т-3 получил броне-

бойным вскользь. Вмяло половину бокового люка, но добить его не удалось. Танки на скорости уходили прочь, прикрываясь клубами густой дымовой завесы грязно-белого цвета. Но свою задачу они частично выполнили. По обнаруженным артиллерийским позициям и окопам ударили гаубицы и минометы. Наши орудия тоже отвечали, но большинство немецких стволов вели огонь с закрытых позиций. Передовая окуталась дымом. Раза два раздавались особенно сильные взрывы. Снаряды или мины накрывали окопы с боеприпасами.

Примерно через час прибежал знакомый нам помощник командира полка по разведке, капитан Безуглов. Переговорил с Тихомировым, потом собрали роту. Капитан, покрытый копотью, со ссадиной на скуле, говорил быстро, оглядывая нас всех, стоявших полукругом.

– Ребята, теперь ваш черед. У сволочей боеприпасов хватает. Бьют без перерыва второй час 105-миллиметровые гаубицы и минометы. Сколько их, точно не знаем. Гаубиц, судя по всему, штук шесть, а минометов не меньше десятка. Еще час такой пальбы, и мы останемся без артиллерии и пулеметов. Я уже про бойцов не говорю. Теряем людей. Если фрицам пасть не заткнуть, они нас голыми возьмут. Саперы уже толовые шашки к гранатам прикручивают. В общем, было решено ударить нашей ротой с фланга, сделав круг километров пять.

– У вас ведь семь танков. Боеприпасов хватает. Даем десант – семьдесят человек. С ручными пулеметами, гранатами.

Все это пахло обычным самоубийством. Если бы там были только гаубицы и минометы! Кроме них, наготове танки, противотанковые пушки. Но и другого выхода не оставалось. Если не нанести контрудара, немцы нас сомнут наверняка.

– Приказ мы выполним, – заговорил Тихомиров. – Но в роте всего шесть исправных танков. Десант пригодится. Когда мы начнем бой, поддержите нас.

– Поддержим. Пойдут в атаку первый и третий батальоны. Вернее, то, что осталось.

Свой второй бой я принял именно в этот октябрьский день. Он, как зарубка на теле, остался на всю жизнь.

ГЛАВА 4

Фланговый обход оказался даже короче пяти километров. Немцы даже не прятались. Мы сняли с ходу две легкие пушки, которые успели выстрелить раза по три. Танки остались невредимыми, зато с брони Т-34 смахнуло снарядом сразу двоих десантников. Разбросало по частям, руки, ноги, винтовки. Потом ударили пулеметы, и десант стал прыгивать на скорости сорок километров на землю. Сколько их побило пулями, а сколько покалечились – неизвестно. Нам было уже не до пехоты.

Тихомиров со скрежетом смял одну, а Князьков вторую пушку. Пулеметы обоих танков валили на землю артиллеристов. Наш танк шел третьим. Немец в серой непривычного цвета шинели, в каске, затянутый поясом как в строю, метнулся прочь. От пулеметной очереди ушел, но Прокофий, повернув танк, ударил его корпусом, забросив под гусеницы. Танк от толчка вздрогнул. Мы не ожидали такого сильного удара тела о многотонный корпус. А потом под гусеницами захрустело. Со всех сторон стреляли. Мы с Федором тоже пальнули наобум и лишь затем увидели цель.

Три гаубицы с закругленными вверху щитами стояли в ряд в орудийных окопах. Одна еще вела в горячке огонь по нашим позициям, а две лихорадочно разворачивались. Тихомиров снес трехдюймовым фугасом ближнюю гаубицу. Мы с Федором стреляли бронебойной болванкой, да еще с ходу. Конечно, промахнулись. Сколько метров оставалось до орудийных окопов? А главное, сколько времени требовалось немецким артиллеристам, чтобы повернуть в нашу сторону толстые стволы с набалдашниками? Эти штуковины своими пудовыми снарядами разнесут нас в клочья.

Снаряд, уже осколочный, рванул метрах в пяти от колеса гаубицы. Второй взорвался под стволом, встряхнув тяжелый корпус. Снаряды сыпались градом. Мы так и не попали в гаубицу, но пулеметные очереди смахивали артиллеристов, а потом кто-то все же всадил снаряд прямо в щит. Шпень, перевалив через бруствер, раздавил гаубичные станины вместе с двумя артиллеристами, шевелящимися между ними.

– Суки... сволочи фашистские!

Танк уткнулся в крутую стенку окопа. Федя приказал мне быть наготове возле пушки, сам высунулся в люк. Шпень крутнулся, нашел пологий выезд из капонира, но увидел двух немцев, забившихся в узкий окопчик. На экипаж полагались два нагана, но ни командиру танка, ни механику их не выдали. Имелся только пулемет и гранаты Ф-1. Шпень остановил танк, а Федя крикнул мне:

– Бей из пулемета!

Пулемет до немцев не доставал, они были в мертвом пространстве. Я забыл про гранаты и лупил длинными очередями поверх голов артиллеристов. Скорчившись, они прикрывались ладонями и локтями, как от дождя. У меня кончился диск, и я торопливо вставлял запасной. Немцы с запозданием вымахнули из окопа. Один, поопытнее, перекатился через ров. Второй, пригибаясь, бежал. Очередь догнала его, он взмахнул руками и исчез.

Если с тремя гаубицами мы справились с налета, без потерь, то дальше началась мясорубка. Задержался, потеряв ход Т-26 Ивана Войтика. Двигатель выдержал три-четыре километра ходу, а теперь скрежетал так, что слышно было сквозь стрельбу. Гаубиц поблизости я не видел.

Только пулеметное гнездо и двойной окоп с минометами. Т-26 остановился, не доехав до окопа метров двадцать, и открыл огонь из пулемета. Куда он стрелял, я не видел, но зато отчетливо разглядел, как снаряд рикошетом задел цилиндрическую башню старого Т-26 и сорвал с креплений.

В смятой, лопнувшей от удара башне зияла щель толщиной с руку. Откинулся люк, и показалась голова командира танка. Упираясь локтем в край люка, он с трудом перебросил тело наверх. Там же Войтик? Жив ли он? Но времени разбираться не было. По нам в лоб бил станковый пулемет, вылетело несколько гранат. Мы раздавили пулеметное гнездо и неслись в сторону минометного окопа. Оттуда выскакивали солдаты. Кажется, я успел прошить одного очередью, но увидел повернутую в нашу сторону гаубицу. Это был второй взвод немецкой батареи – три такие же гаубицы, но уже готовые встретить нас.

– Стой! – крикнул я Прокофию, собираясь стрелять.

Шпень вместо этого крутнулся и дал газ. Крутой вираж спас танк и всех нас. Попал бы я в гаубицу – неизвестно. А тяжелый снаряд пронесся так близко, что воздушная волна хлопнула по броне, словно огромным деревянным чурбаком. Недостаток немецких гаубиц, как и наших отечественных, – сравнительно долгое раздельное зарядание. Чтобы забить снаряд, а затем гильзу и прицелиться, требуется 8 – 10 секунд. Я знал это, когда Федор Садчиков ловил гаубицу в прицел, а Прокофий Шпень приостановился.

– Быстрее!

Наша пушчонка с ее полуторакилограммовым снарядом не подвела. Возможно, это был первый удачный выстрел. Фугасный снаряд пробил щит и взорвался, раскидав расчет. Оставшиеся две гаубицы ударили одновременно. Мчавшаяся впереди «тридцатьчетверка» старшего лейтенанта Тихомирова получила снаряд в лоб. Башню перекосило, танк остановился. Вторая гаубица ударила командира первого взвода. Фугас разорвался, сминая броню над пушкой, а орудие свернуло набок.

Князьков, Федор Садчиков и еще один танк лихорадочно били по гаубицам. Следующий залп гаубицы дадут через десять секунд. Преимущество «сорокапятки» заключалось в том, что мы могли выпустить за это время по три снаряда. Даже если плохо слушаются руки – по два. В любом случае преимущество у нас пока имелось. Если не промахнемся. У одной гаубицы оторвало колесо, отбросило в сторону наводчика. Чей-то снаряд, смахнув верхушку брестера, взорвался в глубине оружейного окопа. Кто-то сгоряча пустил бронебойную болванку. Маленькая круглая дырка в краю щита, и крик смертельно раненного человека. Одна из гаубиц одновременно со взрывом, ударившим прямо под щитом, все же успела выпустить пудовый фугас. Прицел сбило, но снаряд взорвался рядом с танком нашего взводного Князькова, распоров осколками броню и выбив вместе с куском гусеницы ведущее колесо.

Неужели убили Пашку? Нашего лучшего студента, будущего ученого и самого близкого мне человека? Но я не мог даже оглянуться. Оставшиеся танки шли вперед, и нас догоняли десантники. Немецкий бронетранспортер пятился, прячась за дерево. Он поджидал, когда мы подставим борт под его крупнокалиберный пулемет. На расстоянии сотни шагов он пропорет нас бронебойными пулями или издырявит сверху вниз тонкую крышку трансмиссии.

Я развернул башню, и Федор выстрелил на ходу. Снаряд пробил самый верх бронированного корпуса, а бронетранспортер ударил по нам сразу из двух пулеметов: крупнокалиберного и обычного МГ-34. Пули хлестали по броне с такой силой, что я невольно сжался. Брызнула разбитая фара, закричал Шпень:

– Он нас прикончит!

Одна из десятков пуль влетела в смотровую щель. Мы выстрелили снова. Попали, нет? Бронетранспортер с ревом несся прочь. Третий снаряд ударил в задний борт. Взрыва мы не услышали, значит, врезали бронебойным. В любом случае кому-то из сидящих в открытой коробке не поздоровилось. Мы влетели на поляну вместе с «бэтэшкой» третьего взвода. Грузовик ломился сквозь кусты, уходя от нас. Тебя-то мы не упустим!

Осколочный снаряд разнес угол дощатого борта. Вместе с обломками досок взлетел разлохмаченный в клочья брезентовый верх. Выпустили еще два снаряда, один за другим. Взо-

рвался и вспыхнул двигатель. Мелькали фигуры разбегающихся немцев. Я выпустил вслед весь магазин, кого-то свалил, но большинство фрицев скрылись в кустах.

Откинув люки, высунули головы. Грузовик горел, как копна сухого сена. В проломе кузова лежало тело, свесив вниз руки и голову. Еще один труп в луже горящего бензина корчило огнем. Задним ходом Прокофий выбрался из зарослей. Может, бой уже кончился? Треснул винтовочный выстрел. Пуля звякнула по щиту, заставив нас мгновенно нырнуть вниз. Мы ответили на выстрел двумя снарядами и пулеметной очередью. Набирая ход, протаранили полевую кухню, лошади, почти с человеческим криком, в страхе неслись прочь, таща на одном колесе кухню, откуда толчками выливалось густое варево.

– Танки!

Это крикнул Федор или подумал я? Где-то должны быть сволочные фашистские танки, которых мы разнесем с ходу. Но танков мы не увидели, а из-за поворота на большой скорости вывернулся легкий вездеход и пронесся мимо нас. Я с опозданием выпустил остаток диска, наверное, попал, но вездеход, не снижая скорости, исчез за следующим поворотом.

Бой затихал, хотя еще хлопали редкие выстрелы. Федор приказал механику заглушить мотор. Минуты три мы вслушивались. Осторожно двинулись дальше. Увидели БТ-5 из второго взвода. Из люка нам помахал сержант, командир танка. Второму взводу крепко не повезло в первом бою. Сгорели сразу два танка из трех, зато оставшийся БТ-5 благополучно пережил сегодняшнюю заварушку.

– Никого не видно? – спросил я.

Сержант покачал головой. Наверное, ошарашенные боем, мы не поняли друг друга. Немцы отступали, прикрываясь минометным огнем. Мы увидели несколько машин километрах в двух и выпустили в них с десяток снарядов. Азарт боя нас не отпускал. Тем более вокруг снова наши десантники и приближались пехотные цепи полка. Мы радостно кричали, приветствуя бойцов, размахивали над головами шлемами. Но вскоре настроение у нас изменилось.

От первой роты 171-го отдельного танкового батальона осталось всего три танка. По одному в каждом из взводов. Пройдет время, и я буду спокойно смотреть на батальон, в котором остаются после боев по пять-шесть машин, а три уцелевших танка в роте будут казаться целым подразделением. Но два первых боя, после которых уцелели три танка из десяти, ошеломили нас.

Погиб командир роты Тихомиров, хороший, смелый человек. Наша гордость, «тридцатьчетверка», горела, а башня, отброшенная взрывом боезапаса, валялась рядом. От БТ-7 командира первого взвода после прямого попадания гаубичного снаряда осталась сплюснутая башня и дымящийся корпус. Из экипажа никто не уцелел. «Бэтэшку» нашего взводного, с развороченными колесами и сорванной гусеницей, завалило набок. Погиб механик-водитель. Лейтенант Князьков и Паша Закутный отделались контузиями и синяками.

Среди раненых лежал механик-водитель командира роты Шарафутдинов, весь в крови, словно его окунули в лужу с бурой краской. Мы успели привыкнуть к добродушному, смешливому татарину, не подходящему по своей огромной комплекции в танкисты. Шараф, как мы, был из недоучившихся курсантов. Но еще до войны он работал на тракторе, а в училище освоил вождение Т-34. Наверное, Шарафутдинов был умелым механиком, поэтому Тихомиров взял его к себе. Он был в дружбе с командиром роты, но не выделялся. Шараф, как правило, знал обстановку лучше нас, а когда мы его спрашивали о чем-то, то он не делал из событий великой тайны: когда ожидается наступление или когда привезут боеприпасы и еду. Сейчас сержант, перемотанный бинтами и полосками натальной рубашки, тяжело дышал. В него попало не меньше десятка осколков.

– Иван... я жить буду? – с трудом спросил он у Войтика, признанного специалиста в медицине.

– Будешь. Конечно, будешь, – и чтобы убедить тяжело раненного Шарафа, стал перечислять: – Кровь изо рта не идет, значит, легкие не пробиты. Голова так, вскользь. А мясо зарастет.

– Врешь ты, Ванька...

– Ей-богу, – перекрестился Войтик. – Кто угодно подтвердит.

Но Шараф, не слыша его, закрыл глаза. Наверное, потерял сознание.

– Правда, выживет? – спросил я.

– Должен бы, – уже менее уверенно пожал плечами белорус. – Здоровый мужик. В санбат его быстрее надо.

Мы обнялись с Пашей Закутным.

– Живой, Пашка?

– Угу. Только мордой о казенник крепко приложило. А вообще, повезло. Как вспомню – жуть берет. Сверкнуло, грохнуло, танк как в стену врезался. Осколок у меня под мышкой прошел. Вот здесь... телогрейку порвало. И гильзу снарядную пробило. Порох почему-то не загорелся, поэтому мы с лейтенантом и уцелели. А нашего механика наповал. Жаль его. Хороший парень был. Хочешь, я тебе тот снаряд принесу? Сейчас...

Он вырвался, пошел к танку. Его шатнуло, и я посадил Пашу Закутного на траву. Князьков, в обычной, туго подпоясанной гимнастерке, с трофейной кобурой на поясе, обнял нас с Федей.

– Живы, ребята?

– Живы.

– Молодцы. А Ивана Лукьяновича даже из танка достать не смогли. Какой человек! Финскую прошел, медаль имел... Как у вас машина?

– Нормально, – козырнул Князькову, как командиру роты, Федя Садчиков.

– Перегружай снаряды из моего танка и сливай горючее. Я к вам перейду. Не возражаете?

Вопрос был формальный. Может быть, мы и возражали, привыкнув к своему экипажу без всяких лейтенантов. Но Князьков был командиром и мог находиться в любом танке.

– Никак нет, – кисло отозвались мы.

Взводный это заметил, но промолчал. Знал, что ребята его недолюбливали. Но война уже что-то меняла в наших отношениях. Потом все вместе подошли к телам командира взвода и башенного стрелка, накрытых шинелями. Для них и других погибших уже торопливо копали могилу.

Чудом уцелел Иван Войтик. Я потрогал смятую, лопнувшую от удара гаубичного снаряда башню, сорванную с креплений. Из танка уже выгрузили снаряды, слили остатки горючего и, как я понял, готовились сжечь.

– Толку с его нэма, – не скрывал радости Иван, что ему больше не сидеть за тонкой броней. – Даже колеса не проворачиваются.

Пехота активно собирала трофеи. Включились в это дело и мы. Я хотел найти пистолет, но пистолеты расхватали. Выдернул из-под трупа автомат. В подсумках и за голенищами укороченных кожаных сапог нашел четыре запасных магазина. Пока разглядывал мундир и нашивки убитого немца, Войтик ловко стянул сапоги и переобулся. Федя пошел со мной к гаубицам. Прокофий, оставленный караулить танк, возмущался. Он тоже рвался за трофеями.

– Водки поищите и пожрать, – кричал он. – Сапоги мне фрицевские найдите. Сорок третий размер... и автомат.

Мы отмахнулись. Автоматы и шнапс тоже расхватала пехота, вернее, наш десант. Мы осмотрели гаубицы. Наши снаряды хоть и повредили их, однако разбить до конца не смогли. Немцы убегали резво, но замки с гаубиц снимали. С одной снять не успели. Федор, осмотрев ее, сказал, что хоть прицел и разбит, но стрелять можно. Кругом лежали трупы. И наши, и немецкие. Из башни танка я видел только свои цели, а о жестокой схватке десантников, которых мы подвезли на броню, мог только догадываться.

Что осталось в памяти? Почти все немецкие трупы были сплошь изрешечены, исколоты штыками. Немцы были в касках, и раза два я находил возле трупов наши трехлинейки с разбитыми прикладами. Братья-славяне, не жалея ни себя, ни оружия, расплачивались за отступление, смерть товарищей, пережитые бомбардировки. Разбивали в щепки приклады о добротные фашистские каски с орлами, а взамен забирали трофейное оружие.

Бойцы, оживленные, хорошо хватившие шнапса, перебивая друг друга, вспоминали моменты боя. Оказывается, Ивана Войтика едва не застрелили. Вылезая из танка, он захватил наган убитого командира. Немцы, пробегая мимо, вначале не обращали внимания на лежавшего русского танкиста. Потом один остановился и, подмигнув маленькому белорусу, вскинул винтовку.

Как куму подмигнул, когда водку наливают, – рассказывал Иван Войтик. – А сам гадюка четырех моих детей сиротами хотел оставить. Испугался я. Что наган супротив винтовки? А пальцы сами на курок давят. Стрелял, сколько патронов в барабане было. У брюхо, у грудь ему попал. Расстояние-то пять шагов. А ен весь в дырках, ползти пытается. Часы у его забрал и ножик складной.

– Чего ж сапоги не взял? – спросил я.

– Так не догадался со страху. Другой кто-то стащил. Немцы оставили семь минометов, из них лишь один целый. Некоторые были разбиты нашими снарядами, а большинство фрицы взорвали сами.

– Знаешь, как взрывали? – спросил парень-десантник, «ехавший» в атаку на нашем танке. – Грамотно! В окопе миномет, и двое немцев гранаты в ствол вталкивают. По две штуки на ствол. Впихнут, и в другую половину окопа бегут, где второй миномет. Его тоже взрывают. А третий фриц из автомата шпарит, только обоймы успевают менять. Человек пять наших побил. Почти всех разрывными пулями. Взорвали оба миномета, карабины схватили, и все трое шмыг из окопа. Я прицелился в среднего, который с автоматом, в спину как вдарил. Он с копыт долой! Больше стрелять не стал, меня бы те двое убили. В окоп спрятался. Поглядели, потрясли они своего дружка-фашиста, автомат забрали и побежали дальше. Я подошел, пуля копчик ему размозжила и на выходе живот разорвала. Дышал еще. Я его штыком припорол, а в карманах губную гармошку и портсигар с голыми бабами нашел. Документы на всякий случай прихватил.

Еще рассказали нам, как погиб комиссар батальона, который возглавлял десант. Он повел группу бойцов добивать тягачи и убегающих немцев. Один тягач успел рвануть прочь, а две другие машины ждали, когда немцы вспрыгнут в кузов. Фамилия комиссара то ли Джухов, то ли Жухов. Осетин, кажется. Гранату бросил, а она от кузова отскочила и рядом с ним взорвалась, сшибла с ног. Он поднялся, пистолет хоть и выронил, а дверцу тягача открыл и водителя за волосы вытягивать стал. Тот пихается, рычаги дергает, а комиссар его тянет. Офицер, который рядом сидел, в лицо комиссару выстрелил. Наповал.

Сержант подскочил и гранату в кабину бросил. Кабину и водителя – в лохмотья. А офицер оказался ушлый, сумел удрать. Тех немцев, которые на тягачах смыться хотели, всех побили. Двоих в плен взяли. Сержант обыскал их и повел. Они просили пощады. А сержант по-немецки командует: «Геен зи» (идите, значит). Потом с пояса, одного из винтовки как шархнет между лопаток. Второй обернулся, заплакал, а сержант повторяет: «Геен зи!» Затвор передернул и шагов через пять, снова не целясь, в спину. Метко стрелял. Ни один, ни другой фриц не дернулся. Повернулся и пошел к своему отделению. Жестокая драка была, в плен немцев не брали.

– А тягачи? – спросил я.

– Два сожгли, остальные удрали. Гаубицу на прицепе уволокли. Хотели еще одну уволочь, но мы не дали. Наш сержант с «дегтярем» сбоку забежал и давай по кабине и мотору

садить. Еще ребята подросли. Гранатами тягач забросали. А вы, танкисты, хорошо дрались. Без танков мы бы ничего не сделали.

Вот так, с разных точек, описываю я свой второй бой. Можно сказать, что мы одержали победу. На поле боя немцы оставили, кроме минометов, пять разбитых и поврежденных гаубиц, два тягача, два грузовика и три раздавленные гусеницами легкие пушки. Мы насчитали сорок немецких трупов. Кроме трофейных винтовок, нам досталось штук семь автоматов. У немцев их было не так и много, как показывают в фильмах. Мы отбили три километра нашей земли. Но эту небольшую победу одержали в основном благодаря пехоте.

Наши семь танков, которые немцы разбивали один за другим, не могли сыграть решающую роль. Основную тяжесть боя взяла на себя пехота. Те восемьдесят десантников и два батальона, бежавших через поле нам на помощь. Вместе с окопами и капонирами снова рыли братскую могилу. Она показалась мне огромной. В нее уложили сто с лишним бойцов и командиров, включая нашего командира роты Ивана Лукьяновича Тихомирова и останки сгоревших танкистов.

Все тыловые повозки заполнили ранеными, они шли бесконечной чередой. Раненых сажали на передки разбитых пушек (эти передки уже были не нужны для артиллерии), легко раненные уходили, опираясь на палки и винтовки. Сколько их было всего? Даже примерно не скажу. Очень много. Ведь я только сейчас узнал, что батальоны нарвались на сильный пулеметный огонь с флангов. Все пулеметы мы раздавить не смогли.

Проводили мы и нашего механика-водителя Шарафутдинова. Единственное, что смогли для него сделать, – укрыть потеплее. Нашли две шинели и накрыли его. Сержант пришел в себя и попросил:

- Ивану Лукьяновичу хорошего водителя подберите... он лихой. Ему мастер нужен.
- Подберем, – ничему не удивляясь, заверили мы.

Иван Лукьянович Тихомиров, наш ротный, на глазах у Шарафа погиб. Видно, тяжелая у сержанта контузия была. Ничего не помнил. Дальнейшая судьба Шарафутдинова мне неизвестна. В хорошее мало верится. Сколько нас уцелело, кто осенью сорок первого воевал? Единицы.

Мы заняли новые позиции, а связной, примчавшийся из штаба дивизии или корпуса, привез приказ: «Держаться. Без команды не отступать». Такие приказы наши части получали каждый день, а то и по два-три раза. Выполняли или по крайней мере старались выполнять. К сожалению, вместе с приказом не прислали ни боеприпасов, ни еды.

Думаю, что к тому времени в полку, которым спокойно и разумно командовал похожий на Дзержинского полковник Урусов, осталось вместе с тыловиками не более пятисот-шестисот человек. Почти все интенданты, писари пополнили состав понесших огромные потери рот и взводов.

Азарт боя, оживленные рассказы о том, как мы врезали гадам, уступили место усталости, голоду и желанию спать. Мы вслушивались в гул артиллерии, доносящийся то слева, то справа, а часто за спиной, в тылу. Сразу в несколько сторон была выслана разведка: грузовик, несколько конных и два мотоцикла. Им также дали задание привезти из ближайших сел продовольствие.

Наши два уцелевших БТ стояли в неглубоких окопах, поближе к редким деревьям. Вокруг них сбились и безлошадные танкисты. Иван Войтик переквалифицировался в пулеметчика, сняв со своего разбитого, а потом сожженного танка пулемет Дегтярева. Теперь мы уже были не засада или резерв, а боевая единица полка: два танка и десяток пеших танкистов, которым предстояло оборонять участок с полкилометра шириной.

Понемногу, один за другим, мы заснули. Сон был недолгий. Опять налетели «Юнкерсы-87» в сопровождении истребителей. Позиции на новом месте толком не оборудовали, да и место, не считая редкого березняка и кустарника, было открытое. Снова посыпались бомбы, в том числе огромные пятисоткилограммовые. Сбросили несколько контейнеров с мелкими осколочными бомбами. Они рвались десятками, а вспышки и треск напоминали фейерверк. Только довольно жуткий. Осколки летели вниз дождем. Накрыло целый взвод. Я видел «максим» с расчетом, попавший под взрыв такой бомбы. Кожух пулемета был изорван в клочья, казенник разбит. Расчет, пытавшийся укрыться на дне окопа, так и остался лежать. Им досталось осколков не меньше, чем пулемету. Даже винтовки были сплошь во вмятинах, с расщепленными прикладами.

От разрывов тяжелых бомб было много контуженных. Люди уползали, уходили с трясушимися головами, глухие, ничего не соображающие. Опять рыли братские могилы. Потом налетели «мессершмитты», и с высоты двухсот метров на огромной скорости прострочили все из пушек и пулеметов. Снаряды попадали даже в мертвых, собранных у могилы, и убили несколько человек из похоронной команды.

От полка ничего бы уже не осталось, но Урусов выставил заслоны. Приводили группами по десять-двадцать красноармейцев, даже целые отступающие роты и остатки батальонов. Большинство были с винтовками, кое-кто с ручными пулеметами. Но все тяжелое оружие, включая «максимы», люди бросали на дороге. Многие срывали с себя командирские нашивки. Большинство хоть и не слишком охотно, но подчинялись приказу остаться на позициях полка. Другие упирались:

– Мы из другой дивизии. Останемся, а нас за дезертиров посчитают.

– Вы и так дезертиры, – отвечали им. – Бежите подальше от немцев, пушки, пулеметы побросали. Чем воевать будете?

Некоторые упорно твердили, что догоняют свои части. Другие жаловались на контузию. Третьи утверждали, что мы находимся в окружении и надо быстрее уходить, чтобы позже сосредоточиться в нужном месте, перевооружиться и восстанавливать линию фронта. Так грамотно говорил майор лет тридцати, с двумя «шпалами» на отвороте гимнастерки, в красноармейской пилотке и телогрейке без знаков различия. Капитан-особист, чернявый, как цыган, долго изучал документы майора.

– Ну и где ты будешь искать это нужное место? В Москве? Штабной, наверное? Обосрался со страху и нору ищешь.

Майор возмутился.

– Кто вам дал право «тыкать» старшему по званию? Отведите меня к командиру подразделения, я ему все объясню.

– У командира полка и без тебя дел хватает. Нарядился в пилотку и телогрейку, как клоун. А ты в шинели с португеей и фуражке быть должен. Показывать пример подчиненным. А они у тебя зачуханные вроде тебя.

Майор, как я понял, был кем-то из штабных, вел с собой человек пятьдесят красноармейцев и двух лейтенантов. В группе были две повозки.

– Ладно, хватит разговоров, – скомандовал особист. – Берите свое шмутье из повозок. Они для раненых пригодятся. А ты, майор, веди взвод к начальнику штаба. Он тебе покажет место, где оборону держать. Попробуешь бежать – пристрелю.

Майор покраснел. Наш танк выдвинули вперед, и я наблюдал эту сцену.

– Без хамства нельзя?! – выкрикнул майор. – Я людей и оружие не бросил, а взводом, к вашему сведению, семь лет назад командовал!

– Снова поучишься, – грубо обрезал его особист и, заметив, что кое-кто из бойцов тащит из повозок продукты, рявкнул: – А ну, строиться! Командуй, майор, пока я другого вместо тебя не назначил, а тебя в рядовые не перевел.

Майор построил свою команду и повел в сопровождении нашего бойца к начальнику штаба. Он кипел от негодования, но команду исполнил молча. Конечно, проще было бы выставить майора в образе удирающего в тыл трусливого командира в немалом чине, да еще запасшегося продуктами. Но я слишком много нагляделся смертей за эти дни и не торопился судить людей. Я испытывал страх, но, когда что-то исполнял, страх забывался. Потом, проезжая мимо двух воронок, забитых трупами, снова почувствовал даже не страх, а самый настоящий ужас. Людей спешно хоронили, опасаясь новой бомбежки, и бросали в воронки как попало. Они лежали там безобразной кучей, с торчащими застывшими руками, ногами, скрюченные конвульсиями в клубок. Сверху бросали оторванные конечности, пропитанные кровью тряпки и торопливо закапывали.

Капитан осмотрел повозки. Там лежали ящики с консервами, сухари, сахар, что-то еще.

– Затарился, гад! – выругался матом особист. – Не обращая внимания на присутствующих бойцов и лейтенанта Князькова, отхлебнул раз и другой из десятилитровой канистры, держа ее на весу крепкими волосатыми руками. Выдохнул и, опустив канистру, попросил у сержанта-помощника воды.

– Спирт. Запить бы надо.

Запил, приказал сержанту наполнить фляжку спиртом. Нас в заслоне было восемь человек. Капитан с тремя помощниками, взводный Князьков и экипаж нашего БТ из трех человек. Капитан оказался мужиком понимающим. Приказал налить всем по пятьдесят граммов спирта, выдать по банке консервов на двоих, а остальное отправить в распоряжение заместителя начальника по тылу. Тушенку мы смолотили в один присест, а от спирта мир показался не таким уж страшным.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.